

Константин Котлин

18+

МОН ПАРНАС

18+

Константин Котлин

МонПарнас

«Издательские решения»

Котлин К.

МонПарнас / К. Котлин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695941-5

«Ты открыл дверь, но за ней пустота. Так позволь привести тебя в самое худшее место». Федор Сапрыкин, студент-психолог, проводит вечер в гостях у брата. Встреча с девушкой по имени Майя нарушает привычный порядок вещей. Она слишком много знает о Федоре, играет с тем, чего он боится. И слишком уверенно улыбается, когда реальность начинает меняться. Пронзительная история о попытке выбраться из кошмара чужих и своих «травм», о Доме, что всегда живет внутри нас. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-695941-5

© Котлин К.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	13
3	23
4	35
5	43
6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	62

МонПарнас

Константин Котлин

Редактор Василий Соколов
Дизайнер обложки Ирина Семерикова
Корректор Василий Соколов

© Константин Котлин, 2026
© Ирина Семерикова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-5941-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.
Зачем тебе Солнце, если ты куришь «Шипку»?
За дверь бессмысленно все, особенно – возглас счастья.
Только в уборную – и сразу же возвращайся.*

*О, не выходи из комнаты, не вызывай мотора.
Потому что пространство сделано из коридора
и кончается счетчиком. А если войдет живая
милка, пасть разевая, выгони не раздевая.*

И. Бродский

*– Пахнет мистицизмом; черт вас знает, что вы все за люди!
Никто ему не ответил; молчали целую минуту.*

Ф. Достоевский. «Бесы».

Всем невьшедшим из этих домов...

1

*Если ты хочешь любить меня,
Полюби и мою тень.
Открой для нее свою дверь,
Впусти ее в дом.
Тонкая длинная черная тварь
Прилипла к моим ногам.
Она ненавидит свет,
Но без света ее нет.*

**«Наутилус Помпилиус»
«Кто еще»**

«Душно и жарко среди людей», – пронеслось в голове сумбурно, то ли мысль, то ли скрежет отходящего поезда. В чехле, налипшем на спину горбом, звякнула бронза; слух не уловил этот звук за стеной музыки, но тело почувствовало резонанс. «Душно, но снег уже выпал на самые высокие пики». Впереди показалась горная цепь – бесконечная и угрюмая, – так ему нравилось думать. Мигнул красным дугий глаз светофора. Набирая тяжелую скорость, тронулся транспорт. Вдруг вспомнился шум, назойливый и скрипящий, лезущий в голову сквозь амбушюры¹ – так бы вел коготком по стеклу монстрик из дешевого фильма ужасов. И был в этом шуме голос, предупреждающий всех:

– Поезд прибыл на конечную станцию. Пожалуйста, покиньте вагоны.

Всех или только его?

«Конечная. Куда увезут зазевавшегося пассажира? В депо, и его обнаружит обходчик и выведет. Бояться тут нечего. Но почему-то страшно попасть туда, где еще не был».

Он стоял в окружении зябнувших горожан. Конец сентября: город менял оттенки. Воздух с каждым днем становился пронзительнее, и сегодня как-то особенно ясно набрякла желтым окраина Петербурга, хлебнув с жадностью осеннего солнца. Прохожие мялись, качаясь на месте; словно желали прижаться друг к другу, но не находили в лицах соседей отклика – и потому оставались надменно холодными.

«Смотря, конечно, куда именно попадешь...»

Его несильно толкнули в плечо – снова звякнула бронза. Он покосился вправо: из скопления физий и тел вертким ярким штрихом юркнула девушка. Светлые глаза чиркнули по нему – девушка стремительно зашагала по «зебре».

– Куда, дура, на красный! – крикнул ей кто-то с восторгом, и тут же загорелся зеленый. Люди грузно сдвинулись с места – так вирус ворочается под микроскопом. Навстречу уже текла идентичная масса, и в ней исчезало яркое дерзкое пятнышко. «Настоящая постиндустриальная муза с окраины Петербурга: на шаг впереди обыденности. И ей, как и мне, тоже душно». Пятнышко растворилось. Он поднял взгляд: над проспектом нависли громады домов в двадцать-двадцать пять этажей. Этот угрюмый темно-кирпичный массив и вправду можно было принять за горы: с пиками и равнинами, скалистыми стенами, в которых кто-то выгрыз пещеры подъездов, со снежными шапками под пронзительно-синим куполом неба; внутри полые, изъеденные людьми. От подножий к вершинам струилась грандиозная тень – одна гора сжирала другую, не давая покрыться светом от солнца. И все рвалось сполохами: это закрывали и открывали ежесекундно окна.

Он улыбнулся, поддавшись щемящей эмоции, подпевая звучащей в наушниках песне; щурясь от бликов, он видел абстрактный рисунок из бесконечного стеклянного хаоса. «Наде-

---

¹ В данном случае – съемная часть наушников, соприкасающаяся с ухом.

юсь, он все настроил. Не терпится запереться совсем до утра, делом настоящим заняться. Пусть все будет настроено; а главное, пусть брат будет в *правильном* настроении». Горы сделались ближе, от быстрой ходьбы их трясло. «Ну вот, теперь это просто дома. *Человейники*. Хорошо, что я сюда ненадолго: слишком много людей. Что же здесь будет, когда...» Он не завершил мысль: началась особо любимая им часть песни, и он ритмично закивал головой, не чувствуя тяжести на спине.

– Спасибо.

Пакет разбухал от покупок: три бутылки дешевого «Рислинга»², упаковка пива и две пачки чипсов. «Почти все деньги потратил, но с пустыми руками нехорошо приходить. Брат оценит. Ему нравится, когда я самостоятельность проявляю. Надеюсь, накормит меня чем-нибудь». Он вышел во двор из узкого пространства магазинчика. «Настоящий пустырь: ни деревьев, ни детских площадок, все в машинах и пыльно». Над головой, совсем близко, из распахнутого окна, раздался собачий визг. «Господи. Ей будто в бок шило воткнули. Жуть какая; какой скверный двор, что за дешевка: фонари в колоннаде, наподобие древнегреческих храмов. Ну, это, конечно же, китч³. Скоро и здесь газоны завалят крышками и сгнившим зверьем из плюша, закидают окурками землю, изгадят собачьим дерьмом. Новый дом, но люди-то старые. И почему я такой пессимист, и какое мне до них дело...» Он поморщился, неспешно пошел вдоль светло-кирпичной стены.

Дом был огромен – высок и широк, – но имел всего два подъезда. В кирпич вжали две серые двери – за ними скрывались черная и парадная лестницы. «Лестница номер два, четвертый этаж. Квартира...» Мелодично и тихо запел домофон. Арабские цифры усеивали блестящую панель устройства – номера сотен квартир со второго по двадцать пятый этаж. Прошло с полминуты, и сигнал стих. «У брата ведь есть домофон? Хм, это странно: не помню». Аккуратно поставил пакет у скамьи, собрался достать телефон, и тут дверь распахнулась: из яркого нутра парадной вышло трое мужчин в одинаковых оранжевых спецовках. На голове одного из них красовалась строительная каска.

– Да плевать мне на нормативы! Договор они подмахнули, а наше-то дело маленькое.

– Циничный ты дядька, мрачный; тебе сюда, парень?

– Спасибо...

– Был бы каким другим, меня с потрохами сожрали бы!..

Домофон пискнул, и дверь закрылась; магнит сросся с магнитом. Голоса мужчин смолкли. На секунду погас электрический свет и вновь загорелся – датчик распознал фигуру с горбом. На фигуру кто-то глядел.

– Здравствуйте...

– Вы Камю⁴?.. Ой, Феденька! Не узнала; проходи-проходи.

Консьержка – женщина под шестьдесят, закутанная в уютный шерстяной кардиган поверх шерстяной кофты – помахала рукой из-за широкого, во всю стену, окна. Коротких выцветших волос ее почти не было видно от яркого блика на стекле: голова казалась то ли утопающей в нимбе, то ли обритой. Голос женщины звучал невнятно и тускло. За спиной Федора снова пискнуло.

---

² Рислинг – сорт винограда, используемый для производства белых вин, наиболее распространен в Германии, Австрии и Австралии.

³ Китч (кич) (нем. Kitsch – халтура, безвкусица) – культурно-эстетическая категория, которая включает в себя клишированные произведения искусства серийного производства.

⁴ Альбер Камю (1913—1960) – французский философ, экзистенциалист, а также журналист, писатель, драматург, публицист и эссеист. Автор известных произведений «Посторонний» (1942), «Чума» (1947) и прочих, лауреат Нобелевской премии по литературе 1957 года.

– Ой-ой, Маюшка! Простудишься ведь! Что ж тебя папа так отпускает!

– Он мне отчим, Марья Андреевна!

«Неужели она?» – подумал невпопад Федор, глядя, как на дисплее сменяют друг друга цифры: «8», «7», «6»... Его тронули за плечо.

– Ты наверх?

Он обернулся. На него смотрела та самая «муза»: косо выстриженное каре, прямые светлые локоны, белая майка, ярко-желтые леггинсы и кроссовки. Под майкой бугрились две полушферы с темными точками плоти – «муза» не носила бюстгальтер.

– А ты разве вниз? – вяло ответил он, разглядев вдруг в серо-зеленых глазах желтоватую искорку. Девушка щелкнула пальцами по чехлу. Отчетливо звякнула бронза.

«4», «3», «2»...

– Бука ты, Федька! Вот и езжай один в этом гробике.

Она показала ему язык – бледный и длинный – и пошла в сторону черной лестницы. На сутулой спине болтался спортивный красный рюкзак. Ее фигура скрылась за поворотом.

«Откуда она меня знает?»

Створки лифта разъехались; Федор выбрал нужный этаж и услышал глухое:

– Дочь за водкой бегать заставил; ох, была б мать жива...

Он шагнул в пустоту коридора. Четвертый этаж; слева и справа шерились одинаково безобразные двери. Бежали под потолком провода и пухли створки щитков, замазанные бежевой краской. Стоял запах стройматериалов и пропитанной солнцем пыли – лучи били из окон в торцах коридора, проникали рассеянным конусом из-под дверей, стелясь по бетонному полу. Пол лоснился от грязи.

«Дышать нечем. Странно, что никто не сверлит и не грохочет. Ну да и к лучшему: Кирилл помещение подготовил, но хорошо, если совсем без шума. Неужели кроме него еще не въехал никто на этаж? Здесь же квартир двадцать, наверное...»

Федор медленно шел вдоль дверей. Полотна налились неприятным коричневым цветом: одинаковая фурнитура, унылый узор; кажется, и номера одинаковые – но нет, этого быть не могло.

«Дерьмо, а не дом».

Тишина, которой он только что был благодарен, стала ему неприятна. Он отчетливо понял, что не слышит дыхания собственных легких, скрежет чехла, звон стекла в мятом пакете. Федор остановился. Впереди маячило солнце в пыли. За грязным стеклом различалась гладь соседнего здания: блеклая кирпичная кладка.

«Здесь вообще хоть кто-то живет?»

Он подумал о встреченной девушке. Уставился в одну точку и резко мотнул головой. «У меня таких и в училище выше крыши. А эта, вишь, за водкой бегаёт. И откуда она меня знает? От Кирилла? – они ведь соседи; но с чего бы ему про меня говорить, разве только если они... Гм, да ну, у него всегда дамы постарше, при деньгах и работе, зачем ему *такая дурная* сдалась? А хотя, он бы мог...» Неприятно кольнуло в глазу. Он потер веко и разглядел нужный номер над коричневой дверью. Вжал палец в клавишу на стене. Звонок не работал. «В прошлый раз визжал ведь как резаный...» Постучал кулаком – дверь не открыли. Федор вздохнул, и тут в кармане куртки завибрировал телефон. Звонил Кирилл – его старший брат.

– Пришел? Сейчас буду! Голодный? Распойся пока, на этаже никого! Прямо вот во весь голос хоть, не стесняйся! Давай, не грусти, буду через минуту!

Федор поморщился. «Я как будто один из его офисных гоблинов. Дал мне задачу. Всегда он со мною так. И с мамой такой же. Хорошо, что он от нас сюда съехал...» Федор стянул со спины гитарный чехол, прислонил осторожно к стене. Усмехнулся: «Опять будет ругаться. Да ведь это моя песня, мне и решать. Ладно, главное, чтоб записать дал. И накормил». «Рас-

певаться» Федор не стал – постеснялся, представив вдруг на секунду, как с черной лестницы его подслушивает девчонка с каре. Он поглядел в сторону лифта: коридор оставался пустым. Тогда он вытащил из пакета бутылку, скрутил алюминиевую пробку и сделал глоток. «Кислятина. Главное – пиво не пить, а то буду сипеть. Пиво пускай брат пьет, солдатский напиток. А вино – хоть и такое, – выбор поэтов, приманка для муз». И Федор опять вспомнил девушку. «Да, он бы мог...»

Прошло десять минут. Дом утопал в тишине. Не гудело сверло перфоратора, не били молоты, не кричали надсадно ремонтники. По стенам струился солнечный свет. «Сколько же пыли здесь...» Федор с удивлением обнаружил, что за эти десять минут опустошил бутылку на четверть. Он чувствовал себя чуточку пьяным. Он даже набрал полную грудь сухого воздуха, чтобы выпалить первую строчку куплета («Или припев?»), как, наконец, расслышал сигнал, возвещающий о прибытии лифта. В коридор вошли двое молодых мужчин.

«Волосатый и толстый. Зануда. Его только здесь не хватало».

– Она не может сосредоточиться на модуле регистрации пользователей! Обновили бэклог⁵, спланировали спринт⁶, что непонятного? Некоторые уже код ревьюют⁷, а она...

«Зануда» обладал резким высоким голосом и лишним весом. «Зачем он его притащил? Они что, уже выпили? Вечно они в офисе пьют». Федора передернуло от отвращения. Старший брат – высокий брюнет с длинными волосами до плеч – увидел чехол у стены и язвительно усмехнулся. Тень от густой шевелюры прятала в себе лоб и глаза, придавая лицу нечто неуловимо гротескное. Вдруг потеряв интерес к собеседнику, Кирилл обогнал его на полшага, и еще на шагок – и Федор ощутил запах: терпкий парфюм, виски и нотка уставшего тела; грязная сладкая нотка, бывающая у людей, что прячут умело от окружающих эту свою усталость.

– И что это тут? Мамкину пенсию тратишь?

Кирилл потрепал брата по голове: лениво, неискренне. Федор выразительно глянул на подходящего к ним «Зануду».

– Взял *нам двоим*. Ты ведь любишь это пиво. Привет, Андрей, – Федор вяло и нехотя пожал протянутую руку. «Не отвечай, не отвечай, пожалуйста!..» Голос Андрея был ему невыносимо противен. Но тот ответил – точнее, уведомил, – косясь на длинные ногти правой руки Федора:

– А вы знали, что негосударственные пенсионные фонды первоначально возникли в странах с англо-американской пенсионной системой? В Западной Европе преобладало пенсионное обеспечение через страховые компании. Если бы ваша мама...

«Господи, сделай так, чтобы он заткнулся!..»

– У нашей мамы все отлично, Андрюха. Вон какая подмога растет. Вино? Ты же знаешь, я от этой кислятины икать буду. Чипсы... Тебе вроде бы двадцать, а не двенадцать лет. «Чупа-Чупс» тоже купил, небось?

Федор беспомощно съежился.

– Нет...

– Сейчас мы сходим *нормально*. Ты где брал-то? Не в «Пикси»? Не припомню у них такого вина.

– У Артура...

Кирилл скривился, поправил упавшие на лоб волосы. Молча отпер квартиру, вошел внутрь первым, зажег в квадрате прихожей свет. Федор занес гитару и прислонил к стене.

---

⁵ Здесь: бэклог продукта – термин, используемый в ИТ; перечень задач, расположенных в порядке важности, для команды разработчиков.

⁶ Здесь: короткий временной интервал, в течение которого команда выполняет заданный объем работы.

⁷ Здесь: Код-ревью – практика, при которой разработчики смотрят и оценивают код, написанный другими.

Андрей ждал братьев снаружи. В прихожей небрежно валялись кроссовки, а на гвоздике, вбитом в побеленный бетон, висел черный тканевый плащ.

– Артурово дерьмо сам пей.

Федор поставил пакет между кроссовками и чехлом.

– Там цены нормальные. В твоём «Пикси» без карты подохнешь, а я студент, карта у них стоит знаешь сколько...

Кирилл выхватил «Рислинг», скрутил пробку и принялся пить глоток за глотком. Отер губы и громко рыгнул. Всунул полупустую бутылку обратно в пакет. Ухмыльнулся.

– Гадость какая... Я тебе сколько раз говорил, не бери у него ничего, он паленое продает.

Карту купим, студентик, не ной.

«Вот животное... Да нормально там все. И Артур классный мужик. Скидку мне сделал, рассказал анекдот про кошку...»

Братья вышли из квартиры.

– Кстати, – просипел Андрей оглушительно. – Откуда этот Артур? У меня дядя в Германии есть...

«Заткнись, я тебя умоляю».

– ...так там недавно внесли на рассмотрение парламента два законопроекта об ужесточении миграционной политики. Это корреляционно зависит от запроса повестки, а повестка ведь прямо нас связывает с регрессионным...

– Артур из Уфы, – вспомнил Федор. Кирилл пренебрежительно фыркнул, запирая жилище на ключ.

– При чем здесь Германия, дурни? Тут другое вообще: он алкоголь продает малолеткам, у него все паленое. Если бы я стал кем-то вроде главного, – Кирилл покосился на Андрея, – ну, руководителем, понимаешь, я бы таких, как он, отправил елки в Сибири валить. Тут нам зачем такие? Спаивает молодежь, растлевают.

Они прошли «общий» балкон, и попали на черную лестницу. Стены здесь были окрашены в мерзкий желтоватый оттенок – как будто больного чем-то постыдным бродягу стошнило горчицей. Кирилл достал пачку сигарет из кармана джинсов, прикурил на ходу от зажигалки. Андрей спросил:

– А пока ты главным не стал, что делать с ним будешь?

– Найдется свободная минутка, и напишу куда следует.

– When I am king, you will be first against the wall⁸... – задумчиво пробормотал Федор.

– Чего-чего? Это ты на меня намекаешь? Ну, к стенке я никого не поставил бы. Простого пинка под зад будет достаточно. Ты бы слушал нормальную музыку, а не это нытье дурацкое. Вернемся и запишем как надо; да, Федька?

Кирилл подмигнул брату.

Федор тащился вослед – отдел за отделом, полка за полкой. Брат что-то бубнил Андрею на ухо. Тот кивал, отвечал оживленно; их не было слышно сквозь ритмичную стену музыки. Федор толкал тележку, и в решетчатое нутро поочередно падали: пачка спагетти, сыр, замороженные пельмени, банка майонеза и пиво – много, много пива. «Он что-нибудь кроме пельменей ест? Заказали бы пиццу... Куда ему столько пива? Ой, они что, водку пить собираются? Фу».

– А может, суши закажем? – спросил Федор, отодвигая с левого уха наушник. В тележку впихнули коробку, полную звенящих бутылок. «Да куда ему столько?» – подумал с отвращением Федор.

---

⁸ (англ.) – «Когда я стану королем, ты будешь первым у стены». Строчки из песни британской группы «Radiohead» «Paranoid Android».

– Так закажи. Что такое? Глянь, Андрюха, как Федька бледнеет. Да не нам это водка, не кисни.

– А кому?

На коробку поставили вторую коробку. И третью. Тележка жалобно скрипнула.

– На работе корпоратив. Повод ведь есть, да, Андрюша?

«Не отвечай, жирное брюхо...»

Андрюша кивнул, собираясь что-то сказать, но Федор уже вернул наушник на место, недоуменно нахмурился: музыка не играла. «Я же не ставил на паузу. Опять перемкнуло?» Старенький «Sony Walkman» объемом памяти в два гигабайта прятался под тканью куртки в кармане над самым сердцем. Плеер время от времени позволял себе фокус: «залипал», не реагируя ни на что. Единственным выходом являлась перезагрузка: сзади находилось отверстие – туда нужно было тыкнуть чем-нибудь острым и тонким, например, швейной иглой. «Иголка в чехле, а чехол у брата в квартире, а квартира в дерьмовом доме, и Кошей не позарился бы».

– Себе мы возьмем элитарный напиток, – разобрал он. Кирилл стягивал с полки дутый пузырь, наполненный жижей цвета слабо заваренного черного чая. Пузырь был всунут между пельменями и майонезом.

– Элитарный? Это ж сивуха крестьянская.

Хотелось на чем-то сорваться. Без музыки было сложно, музыка выставляла барьер между миром и хрупким, уязвимым сознанием. Хорошо, что в голове еще ватно гуляло винное охмеление. Старший брат с интересом взглянул на младшего.

– О, началось! Ну давай, двигай теории, обличай; Андрюха, послушай работу живого мозга, это тебе не из интернета статьи наизусть заучивать. На проект бы к нам Феденьку надо...

– Интернетом? – ввернул Андрей, не обращая внимания на комментарий Кирилла.

– Коминтерном⁹, блин. Ну давай, Федька, что сник? Расскажи о крестьянах.

– Не хочу, – буркнул Федор и толкнул тележку вперед, замечая, как Андрей лезет в карман. «Если обрубить ему все, он заткнется? Или он уже вычитал на тысячу лет вперед?»

– Шотландцы утверждают, что способ перегонки они переняли от христианских миссионеров, – с сильным энтузиазмом объявил Андрей, не сводя с экрана телефона глаз. Федор ускорил шаг в сторону кассы. – Сначала виски использовалось монахами как лекарственное средство, но со временем крестьяне оценили увеселительные свойства напитка и стали сами делать его в хозяйствах, винокурнях и заводах. Вначале виски напоминал самогон, на выдержку не хватало времени и терпения, его пили сразу после перегонки, но в тысяча пятьсот семьдесят девятом году парламент Шотландии...

– Постановил, что одной бутылки нам будет мало, а еще неплохо бы взять три литра колы. Андрюха, хорош, хватай вторую!

«Виски пьют позеры. Водку пьет пролетарий. Пиво – солдаты, а вино пьет поэт. Еще есть коктейли, но это для глупеньких девочек». Федор уткнулся взглядом в широкую спину перед собой: крупная женщина в бежевой шали выкладывала на ленту покупки. На нее удрученно, с тоской глядел парень-кассир: покупок на ленте становилось все больше и больше.

– О, легенда второго подъезда, – услышал Федор насмешливый голос брата. – Запасается. Смотри, тушенки одной банок десять, конфеты и шоколад, а ведь сама диабетик и живет-то одна. Здравствуйте, Маргарита Евгеньевна!

Женщина, не обернувшись, гукнула. Кассир тяжело вздохнул. Андрей стал читать об ирландской версии происхождения виски, и Федор закрыл глаза. «Я обречен, – подумал он вяло. – Я тут надолго».

---

⁹ Коминтерн – сокращение словосочетания «коммунистический интернационал». Международная организация, объединявшая компартии различных стран.

– Хамство какое-то, – сказал Андрей Толоконников. – Перед носом вот так взять и уехать. Мы ведь кричали, чтоб подождал.

– Ну-ну, не волнуйся, этому *можно* – это Козырьков Вадим Николаевич. Живет на девятом, *поэтому* в лифте ездит один – с его слов, я цитирую, что бы это ни значило. Он и паркуется тоже по-своему, с размахом и важно так; недавно своим корытом входную дверь подпер, люди выйти полдня не могли. Пришлось эвакуатор вызвать, так он засудить всех грозился. Кстати, будущий наш клиент. Я с ним однажды-таки поднялся, заинтересовал нашей конторкой. Комитет связи, не мелочь. Так что, Андрюха, ты с ним не цапайся. Вон, сюда грузовой тащится.

«7», «6», «5», «4» – мигал зеленым дисплей. Что-то грохнуло, и глухо спросила консьержка:

– Мальчики, вы надолго?

– До заката управимся!

Федор обернулся: от входной двери к лифтам трое рабочих катили пустую складскую телегу. Шесть пар мужских глаз уставились друг на друга. «Пропустить их, наверное, надо», – подумал Федор и на шаг отступил в сторону. В спину ему уперся кулак.

– Куда? Лифт ведь приехал – лезь давай.

– Так ведь пешком до четвертого можно...

Кирилл сморщился и первым шагнул в кабину.

2

*Дом стоит, свет горит.
Из окна видна даль.
Так откуда взялась печаль?*

«Кино»
«Печаль»

Квартира Кирилла Сыролийского представляла собой прямоугольник в сорок два квадратных метра, поделенный на спальню, санузел и кухню с прихожей. По меркам многоэтажки это была большая квартира; восемьдесят процентов жилого фонда здания составляли «студии» в шестнадцать-двадцать квадратных метров. Просторная кухня, объединенная с гостиной комнатой, имела выход на застекленную лоджию. Именно там Сыролийский обустроил свою домашнюю музыкальную студию: закрыл наглухо стекла окон звуконепроходимыми панелями, ими же покрыл потолок, стены и дверь. Снаружи эта часть здания стала похожа на лицо с щербатой улыбкой. На лоджии можно было найти компьютерный стол, аудиомониторы, микрофонную стойку и динамический микрофон, гитары (электро и бас), синтезатор и крутящийся табурет. Во время сессий на столе появлялся серебряный ноутбук. Внутри помещалось два человека среднего телосложения, о чем то и дело напоминал брату Кирилл.

– Особенно хорошо записывать здесь женский вокал, – скабрешничал он. – Вот приведешь студенточку из своего училища, так сразу оценишь. Взрывные гласные¹⁰ ловит – Гагарина¹¹ закачается. Только дверь поплотнее закрыть надо.

Кириллу нравилось дразнить Федора подобными разговорами. «Что же ты, Федька! Их ведь там почти тысяча. Одну бы хоть пригласил сюда; а лучше – двух сразу, на брата по девочке. Жалко тебе, что ли, для брата?» «Для брата не жалко, – думал Федор, отмалчиваясь. – А для такого, как ты, – слишком уж жалко девочек».

Три коробки по двадцать бутылок в каждой были аккуратно сложены в ряд под окном за широкой кроватью. Кровать, зажатая между залитым солнцем окном и большим черным шкафом-купе с зеркалом на всю дверцу, маячила скомканным белым пятном: из прихожей она смотрелась эпицентром неприличного взрыва. Кирилл вышел из спальни и подмигнул гостям. Трое молодых мужчин прошли на кухню. Толоконников плюхнулся на темно-желтый диван, стянул с полки близкого шкафа тонкую книгу. Фигуры отразились в экране огромного телевизора на стене; под телевизором на полу чернела игровая консоль. Федор принялся доставать из пакетов покупки.

– Давай помогу.

Брат вытащил банку пива. Шумно вскрыл. С удовольствием затянулся глотком: по выбритому узкому подбородку потекла светлая струйка. Теперь, без верхней одежды, Кирилл стал похож на движущийся холст картины: руки, предплечья и шею покрывали узоры цветастых тату; часть из них была скрыта под черной футболкой с надписью «Узбагойся». «И кому тут двенадцать лет?» – подумал Федор, наблюдая, как брат приканчивает содержимое первой банки.

– Лови, босс! – зло и весело крикнул Кирилл, кидая в сторону Толоконникова алюминиевый снаряд. Банка плюхнулась в желтый плюш: Андрей не спешил к ней притрагиваться. Федор не удержался:

---

¹⁰ Намеренное искажение термина «Взрывные согласные»; такие, например, как «п», «т» или «б».

¹¹ Полина Гагарина (род. 27 марта 1987г.) – российская эстрадная певица.

– Босс? Вы разве не на одной позиции?

Кирилл улыбнулся брату, открыл холодильник и стал заполнять его пивом. Андрей с деланным равнодушием перевернул страницу. «Понятно, чего он так бесится. Как же не вовремя. Надо запереться на лоджии, пока он совсем в раж не вошел. Вино охладить бы еще...»

– Жрать ты будешь? Мамка сказала покормить тебя хорошенько. Голодный студент. Голодный до творчества, до обмороков аж голодный. Да иди ты уже, подключайся, глазенки вон светятся. Винище свое позже пить будешь, намешаешь на пустом пузе, слушайся *панку*...

Федор замер. Он не выносил, когда брат так себя называл.

– Меня бы в мои двадцать лет кормил да поил кто; я тебя еще на печь уложу, Феденька! На, пиво вот, и чипсы пока погрызи.

Взгляд Кирилла был устремлен на Андрея. Захлопнув дверцу, хозяин квартиры осклабился, хмыкнул:

– В этой жизни никто никогда не на одной позиции, Федя. Я вот на локотках теперь, а Андрюха сзади крадется. Отныне его ко мне отношение сугубо романтическое: будет любить мне мозги каждый полдень на дэйликах¹², как, мать его, джуну¹³. Завтра вот и начнет, да, Андрюха? – смазку для менеджеров приготовил?

– Ну зачем же так грубо? – поморщился Андрей, отрываясь от чтения. – Так получилось. По результатам фидбеков¹⁴. Про тебя лично я написал только самое лучшее. Все вопросы к Миняеву.

Кирилл снова хмыкнул, громче и будто с восторгом.

– К Миняеву? Да пошел он. Ему некогда быть справедливым, ему бы все пилить циркуляркой; еще и дуру стал эту слушать: она ему там сам знаешь что делает между фидбеками; меня эта стерва на дух не переносит. Да я не в претензии. Ну выбрали, так работай. Только не забывай, пожалуйста, кто клиентов на бюджеты разводит, премии нам выбивает, личностный рост этот весь!..

Федор удрученно слушал тирады брата, и вдруг словно очнулся. «Время теряю. Так, что я хотел записать; „Молчи“ почти что готова, в прошлый раз не успели пассаж тот; можно; да, можно...» Он медленно вышел в прихожую за гитарой.

– Кстати, про личностный рост. Мы тебя, наверно, на курсы отправим. По софт-скиллам¹⁵. Ты не против?

Раздался оглушительный взрыв хохота. Федор встал на пороге кухни, наблюдая, как лицо брата превращается в помидор – оно краснело стремительно и все точно бы лопалось от морщин.

– Я – против? Да я только за! Ха-ха-ха! Заботитесь о сотрудниках; тоже – по результатам фидбеков? Такому там научусь; только условие: отправьте меня вон – к брательнику! Ты же психолог у нас? Возьмешь у меня *психоанализы*? Я их сдам, а ты мне вернешь, вот же хохма!

Федор пересек кухню, не отвечая и не глядя на брата, втиснулся в узкое темное пространство. Здесь пахло холодной кислятиной. Чуть привык к темноте, понял, что ноутбука на столе нет. Федор сел на табурет, не решаясь беспокоить Кирилла. «Сейчас успокоится. Что-то он сегодня слишком уж раздражен».

– Кирилл, я серьезно. На следующей неделе заполни, пожалуйста, форму и...

---

¹² Здесь: короткая ежедневная встреча команды для синхронизации работы.

¹³ (от англ. junior, младший) – новичок, выполняющий простые задачи и требующий наставничества.

¹⁴ Здесь: «обратная связь», развернутый отзыв на работу, с помощью которого можно обозначить сильные и слабые стороны сотрудника.

¹⁵ Здесь: «Мягкие навыки», часто используется как синоним навыков общения или эмоционального интеллекта.

– А давай ты начнешь мной командовать завтра? Ты ко мне в гости пришел, чтобы отметить, чтобы дух творчества поддержать? Ну так и завали, пиво пей, суши вон мелкому закажи – с повышением же нормально монеток отсыпали?

– Согласно законодательству, индексация работников происходит строго по единой тарифной сетке...

Федор потянул дверь на себя: сиплый голос исчез. Наступила полная темнота. «Действительно, будь здоров изолировал. Хоть кричи – никто не услышит. Где выключатель-то? Снаружи; не помню. Когда они успокоятся... Он мне рифф обещал записать, я сам его плохо играю». Темноту разрезала полоса тусклого света: в проеме мигнул взгляд Кирилла.

– Ты роллы будешь? Мой босс проставляется. Да, босс?

– Сыграй рифф, – поспешно сказал Федор. – Ну, помнишь: там в «ре» и диз, я вот в телефоне тут записал. Пять минут, *Кирия*, пожалуйста!

Кирилл Сыролийский злился, когда его называли «Кирия». Однажды ему предложили «вместе кирять отныне». Ему объяснили: «Бирлять» – значит есть, «Кирять» – означает пить алкоголь, «Друшлять» – спать, «Кочумать» – тихо отсидеться; туда же относилось выражение «Прикинуться шлангом». Предложил Михаил Андреевич Сыролийский – их отец, вдруг объявившийся, чтобы поздравить с днем рождения старшего сына, впервые за восемь лет, – с тех пор, как оставил беременную жену и ребенка. От предложения четырнадцатилетний Кирилл отказался и затаил обиду. На младшего сына Михаил Андреевич не обратил никакого внимания. Когда, в свою очередь, четырнадцать исполнилось Федору, он, с молчаливого (и письменного) согласия матери, подал в ЗАГС заявление о смене фамилии. Та встреча с отцом так и осталась единственной в его жизни.

По странной душевной прихоти *Кирия* не злился лишь на своего младшего брата. Вот и теперь Кирилл глядел в темноту, с неясным теплом отмечая в близком лице черты, что каждый день видел в собственном отражении. «Мамкины губы. И брови, пожалуй. А остальное... Да какой с женской прихоти спрос?»

– Если я все за тебя буду делать, тогда зачем ты сам себе нужен? И вообще, кто мне с пеной у рта доказывал, что риффы – это машинная пустота? Что мы, негодяи, «нолики» рубим? Бездушную математику. Так что ты это – запрись здесь от нелюдей и выдай нам *человеческое*, чтоб душа прям запела, чтобы Андрюха мне премию выписал – да, Андрюха?

«Мстит. Мелочно мстит. Но разве *их* музыка – это не циферки для машин? Без эмпатии, бездушный расчет артиллерии. Пулемет с бесконечными патронами вместо нот. Вопяют и рыгают, как свиньи. А ведь считают себя элитарным сословием. Музыкантами себя мнят. *Эти вот*».

Вслух он сказал:

– Я попробую.

– А роллы? Ты же роллы хотел!

– Хотел...

– Пей вот, чтоб пелось.

Брат всунул ему в ладонь прохладную банку.

– Поэт должен быть пьяным! Рок-н-ролл, роллы, ну что же ты! Эх, поколение... Ничего не умеют: ни пить, ни рубить, ни девчонок за всякое шупать. Ничего, скоро научишься.

– Да умею я все...

– Уметь мало! Ты на курсы иди, там научат – да, Андрюха? Вы у меня запоете с Миняевым, я тебе лично спою, вот те крест!

Креста на груди у Кирилла отродясь не было. Был лишь нелепый совет «Узбагойся», которому Сыролийский не следовал.

«Ты-то споешь... Алекситимичную¹⁶ песенку».

– Киря, можно я тут...

– Можно. Только сначала покурим. Что? Пойдем, говорю. Воздухом вечерним подышим, и виды там – закачаешься!

Федор вздохнул. Деваться ему было некуда.

– Какие масштабы! Красота-то кругом какая! Не район, а Швейцария! Вон, гляди, наш «корабль»¹⁷ через железку видать. Мамка, небось, сериалы крутит турецкие. А ты чего, Андрюха, молчишь?

– Так я мать вашу не знаю...

– Так узнай: Сапрыкина Ксения Константиновна. По четвергам предпочитает есть борщ, в субботу – оладья; вкуснющие!.. Эх, она сама себя, Андрюха, не знает. В ней потенциала знаешь сколько: прорва потенциала! Жаль, что потрачен весь, и на пенсии. Внуков все ждет. Федька, заделаешь мамке внуков?

– Сам заделай...

– Не могу: татуировки. Вдруг внукам передадутся.

Федор фыркнул, Толоконников сделал затяжку. Все трое отпили из банок. Они стояли на балконе последнего этажа и озирали окрестности. Балкон выходил на юг: массивы домов заслоняли собой горизонт, но именно здесь, отсюда, различалась звенящая в синеве перспектива северных районов Санкт-Петербурга. Перспектива была зажата кирпичными двойниками. Если стояла ясная погода – вот как сейчас, – то можно было увидеть пятно залива.

– Вы когда-нибудь думали, – подал голос Федор, – что это ведь издевательство? Жизнь тут, на севере Питера, со всеми этими проспектами Композиторов и Художников, улицами Есенина, Шостаковича, и даже с собственным вот Парнасом – разве не издевательство? Вы гляньте на лица и на дома, под ноги себе посмотрите – какое же разочарование!..

Брат и его новый начальник скучающе слушали Федора – и Федор умолк. Кирилл кивнул в знак одобрения.

«Ну и пожалуйста. Всюду уныло и серо – вот из-за вашего равнодушия. Вы, ребята, точь-в-точь эти спальники, как загаженные районы окраин; всюду уныло, и даже в центре: сверни с облупившейся красоты и... бесконечная бездна уныния. Хотя Петроградка мне нравится: тихая, со своей атмосферой, и Каменный остров еще. А и правда: вон моя хата с краю, чтоб ее, за убогими гаражами. Мама действительно что-нибудь смотрит. Ей нравится, что я сюда к брату хожу: она от меня отдыхает. А мне где от всех отдохнуть?...» Федор сплюнул через край ограждения. Слюна полетела перламутровым сгустком, через секунду слюну разорвало в серые ключья и... вдруг что-то шмякнулось рядом.

«Что за фокусы?»

На ограждении застыл целехонький белый плевок. Федор с удивлением поднял голову к небу. Мимо лица промелькнул непотушенный сигаретный окурочок. Упал посреди трех пар ног на бетонную плиту пола.

– Ребята, – позвал, нахмурившись, Федор. – С неба окурки летят. Я один это вижу?

Но его не услышали. Тогда он снова посмотрел вверх, чуть высунувшись вперед: небо над ним заслонял темный прямоугольник. «Люлька, – вспомнил странное слово Федор. – Да

---

¹⁶ Алекситимия – трудности в определении и словесном описании своих эмоций и чувств, а также чувств других людей. Алекситимичные люди испытывают снижение способности к символизации, в частности к фантазии; фокусирование преимущественно на внешних событиях, в ущерб внутренним переживаниям; склонность к конкретному, утилитарному, логическому мышлению при дефиците эмоциональных реакций.

¹⁷ 1ЛГ-600 – советский типовой проект жилых домов индустриального домостроения. Внешне напоминают палубные надстройки океанских лайнеров, отсюда народное прозвище «дом-корабль». Строительство домов 600-й серии осуществлялось с 1967 по 1989 год в Ленинграде и некоторых других городах СССР, а также в городах Польши.

это же те монтажники». Он хотел было спросить: «И *это* вы, что ли, не видите?», как Андрей и Кирилл разом подняли головы, реагируя на срывающийся крик:

– Але! На балконе! Жить надоело? Отойди, пацан, а то голову *к черту* снесет!

Старший брат схватил младшего за грудки и одним резким движением припечатал его спиной к стене. Андрей грузно и нехотя шевельнулся. Сердце Федора колотилось: он на секунду представил, как многотонная люлька сносит его лохматую от ветра голову «к черту». Он посмотрел на брата.

– Прикинь?..

От неясного ощущения он смог сказать только это дурацкое слово. В горле будто наждачкой натерли: очень хотелось пить. За Кирилловой спиной надвигалось нечто массивное. Андрей взглянул над собой, отступая к двери, ведущей к «общему» коридору. Теперь Федор видел: на толстых тросах, напряженных, тускло блестящих, мимо балкона медленно спускалась *конструкция*. «Двое внутри, третий сверху: крутит ими, как хочет. Захочет, и тормоза им сорвет. Они тогда полетят моментально к чертовой матери. Если прыгнуть – можно ли зацепиться за поручень, или влететь на балкон со всей дури? Вряд ли. Перебьет тело сразу, намотает и вывернет. Боже, да о чем я тут думаю...»

– Здрасьте! – крикнул рабочим Кирилл. – Вы чего людей так пугаете? Никаких объявлений не было: ни на стенде, ни в общем чате! Вас правление наняло?

Люлька двигалась, и за ней двигалась массивная тень. Рабочие удерживали в руках огромный рулон, прикрепленный к хитрому механизму: темная ткань рулона липла к воздуху, стене и балкону от самой крыши. Люлька громко скрипела: Кирилла никто не услышал. Один из рабочих вновь закричал – не отвечая, а как бы продолжая предупреждение:

– Курите на пятом, мы до пятого едем! Вентиляции нет, материал очень плотный! Поняли?!

Монтажник и Федор встретились взглядами. «Жуткий какой. Почему он жуть на меня наводит? Своим жабьим лицом. Он бы и дальше поехал, людям на головы, и вниз бы пошел, как штопор. Прямоком до конечной. Он бы там всем сказал: „Двери закрываются“, но без „Осторожно“, а грубо так, чтобы голову „к черту“. Господи, ну и рожа».

– Да что за херня, – процедил Сыролийский. Балкон медленно накрывало неестественно густой тенью. Второй рабочий следил за лебедкой, сжимая в сизых губах сигарету.

– На пятый спустимся или в квартиру вернемся? Хм, вот, нашел: виниловое полотно с покрытием для сольвентной печати, армированное полиэстеровой нитью, используется для брендмауэра, то есть наружной рекламы в виде натянутого панно, чаще всего на глухой стене дома...

– Тут ведь люди живут... Тут не глухая стена.

Федор с благодарностью кивнул Андрею: информация хоть и не объясняла причин происходящего, но возвращала к реальности своей сухой конкретикой. Правда, тембр Андреева голоса заставлял сжимать зубы от неприятного резонанса внутри головы. Еще в голове звенел скрежет удаляющейся вниз *конструкции*. Все на балконе сделалось едва различимым для глаз. Плотная ткань пропускала лишь слабые отблески заходящего солнца.

– Тут-то никто не живет, это черная лестница. Не хочу я на пятый. Отсюда виды, а там...

– А интересно, только балконы закроют? Выйти бы, посмотреть – что они налепили. Какой-нибудь политический бред...

– Федька, не умничай, либерал мамкин.

– Ищу вот какую-нибудь информацию. Связь тут плохая...

Кирилл открыл очередную банку пива. Ткнул пальцем в баннер, принялся.

– Не пахнет ничем... погоди, что значит – плохая? Тут лучше всего всегда ловит.

– Ну вот, одна «палка». И... вы не поверите, я в «2G»¹⁸.

– Ты или твой телефон?

Сыролийский все тыкал и тыкал в ткань пальцем. «Лучше бы ему так не делать», – почему-то подумалось Федору. Он уже перестал различать черты лиц. «Что они говорят?» На какой-то короткий момент ему показалось, что он потерял слух. Но нет: раздался утробный глоток и отрыжка.

– Мобильная сеть. Такое бывает, если...

– Если вовремя не прекратить тарыхтеть; знаем мы, знаем. Давайте на пятый, что ли, действительно спустимся. Куда, Андрюха, по лестнице веселей: будем этому пролетариату фиги неприличные в рожи совать! Федька, айда наперегонки!

Старший брат сорвался с места, шумно вторгаясь на черную лестницу; младший, подчиняясь по-детски счастливому импульсу, толкнул Андрея в плечо и кинулся следом. Андрей допил пиво, смял банку и бросил в угол балкона. Глянул перед собой – вокруг колыхалась странная темнота, – и направился к лифту.

– Твою ж мать, ты откуда выпрыгнул, Ромка?

С бетонных ступеней на братьев смотрела благообразная физиономия молодого человека: ухоженного, аккуратно стриженного, гладковыбритого, с острыми черными внимательными глазками. Молодой человек был облачен в сюртук на голое субтильное тело – самый натуральный сюртук, какие носили, наверное, в начале двадцатого века, приталенный, однобортный и длинный, почти до колен, цвета жженого тростникового сахара. Ниже, на стройных ногах, нелепо и вызывающе, топорщились складки клеши серо-голубых джинсов, и шевелились пальцы, заключенные в объятия черных резиновых тапок. Лицо франта было чрезвычайно бледным.

– Выпрыгнул и ладно-с, чего орать, эка невидаль. Ромка то, Ромка се, я вам Ромка, а не рюмка, как нальете, так и выльете, нашли, кого слушать: выпрыгнул, понимаете ли-с...

Федор глядел в угол лестничного пролета: брат стоял над поверженным Ромкой. «Как он разговаривает странно, и безумно одет. Чего это он не встает?» Федор спустился, собираясь протянуть руку. Кирилл качнул головой:

– Ну, если, в порядке, валяйся тут на здоровье. Федька, не обращай внимания, это... я потом расскажу.

«А действительно, откуда он выпрыгнул?»

Кирилл прошел мимо лежащего в углу человека.

– Р-р-роман! – с гордостью прорычал франт, различая над собой Федора, и Федор вдруг разглядел на тонкой шее платок: бежевый, повязанный с истинным мастерством. – А вы друг Р-р-романа, нас накануне и заочно представили-с к медальону. Рад знакомству, располагайте мной: чаю извольте-с, пряничков иль адюльтеров?

– Да не слушай его!..

Кирилл схватил Федора за рукав, потянул вниз.

– Если фрау угодно-с, я тотчас объявлю тихий час, и вы сможете выкурить собственноручно мною набитое чучело. Позже, конечно, верховая прогулка с борзыми и проба опунций; в этом году все особенно хорошо-с!..

Федор недоуменно оглядывался: фигура Ромки скрылась за поворотом. Брат дыхнул пивным духом в лицо:

– Помешанный местный, на учете, не буйный. Но если собеседника заведет – туши свет, ну ты слышал. Мы, кажется, этих работничков слегка обогнали. Давай-ка отдышимся...

---

¹⁸ 2G – аббревиатура для обозначения второго поколения беспроводной телефонной технологии, запущенной в эксплуатацию в 1991 году.

Они вышли на «общий» балкон десятого этажа. Здесь было прохладно, свежо – *как обычно*. Ничто не мешало взглянуть на отсвет заката, ползущего по массивным кирпичным бокам. Только залива не было видно; ничего не было видно, кроме зданий и части двора. Внизу уже зажглись фонари, спрятанные в колоннах. Федор с опаской глянул наверх. «Нет уж, у стеночки постою. Хм, может у них перерыв: люльки этой не слышно».

– Слушай, братишка, тебе твоя эта шарага нравится?

– Шарага?..

– Да я про учебу твою говорю. Понятно, что нравится: там девок, как овец при бессоннице, но ты вот прикинь – ну отучишься ты, и чего? Детишкам мозги править будешь? Ты их видел вообще – детишек? Да ты сам как ребенок ведь, Федька! А я о тебе забочусь; заткнись, не перебивай, знаю, возразить хочешь. Ты о мамке подумай: она у нас уже старенькая. Да, я ей помогаю, но у меня, понимаешь, все не так радужно. Видал? – с повышением опрокинули. Приличная прибавка светила, если бы не жирная задница. И хрен он мне чего сверху положенного даст, удавится. Короче, я вот чего тебе предлагаю: иди, Федька, к нам. Интернетом. Научим тебя код писать, не сложнее, чем песни и отчеты про девиацию. Я серьезно. За год выучишься, стипендию получать будешь, а потом мы тебя на джуна сунем, с пакетом, все как у взрослого: страховка, отпуск там, жрачка в офисе. Красота! Ну, что думаешь? Да чего думать, завтра же шарагу бросай и к нам!

Волосы Кириллы волновались от ветра. Он снова курил, лицо налилось рыжим отсветом. «В папашу пошел. Красивый. А я в мамку... Она у нас на любителя».

– Ну, что молчишь? Я специально пешком вниз потопал, знал, что боров занудный на лифте поедет; хоть бы он там застрял с этим Ромкой; ха-ха-ха, вот бы на это взглянуть! Слушай...

Он затушил окурок о стену. Федор ждал: кинет с балкона?

– У нас система работает, я тебе честно скажу: приводишь интерна – бонус. По рекомендации интерну контракт – тоже бонус. И так далее, каждый грейд; повышение, то есть. Я, понятное дело, всегда на два-три грейда выше буду, и, естественно, всегда тебя порекомендую. И никакой протекции, у нас даже фамилии с тобой разные. А часть бонуса – тебе, не обижу. Ты ж не дурак, ты освоишься! Ну?

«Мне отвечать ему надо? К нему идти – гоблином?»

– Да сейчас все хотят войти в айти¹⁹! Ты чего! Через пять лет тоже квартиру купишь, любую гитару, любая девчонка твоя!

«Не хочу я любую, и входить никуда не хочу. Мне бы выйти, да поскорее». Федор с тоской глянул на брата. Ему показалось, что он вновь слышит скрежет люльки – или голос Андрея. В голове гулял тупой хмель.

– Ну хорошо, не отвечай сейчас. Подумай. Ты еще вот что скажи: ты у нас девственник?

Федор вспыхнул, разлепил, наконец, губы:

– У кого это – у вас?

– Ну-ну-ну, да не злись! Ты же брат мне, я беспокоюсь по-братски. Так чего?

– Через плечо, – огрызнулся Сапрыкин, с вызовом глядя на Сыролийского. Тот выдержал взгляд и щелчком послал прочь с балкона окурок. «Свин натуральный. Придурок».

– Ну и рожа у тебя, Федька. Идем, сыграю твой рифф, пока не набрался крестьянским пойлом. Ха-ха-ха! В «ре», говоришь?

Сверху вниз незаметно двинулась тень.

---

¹⁹ Здесь: IT – информационные технологии.

На пятом этаже их подждал Андрей Толоконников: замерзший и недовольный. Он жался к стене горчичного цвета, похлопывая себя по толстеньким бедрам. В руке был зажат телефон.

– Что вы так долго? Я тут совсем околел.

Федор неприязненно сморщился.

– Все, что тебя не убивает, – сказал Сыролийский, доставая очередную сигарету из пачки, – убьет тебя в следующий раз. Покурим быстренько и пойдем. Ну, как тут связь?

Он открыл дверь на балкон. Потянуло прохладой осенних сумерек. «Эти до заката обещали закончить. Мы их видели на десятом, а потом они вроде бы встали. А как они вылезли-то? Колымагу их отсюда не видно. На крышу вернулись?»

– Связь в порядке; кстати, так ничего и не нашел о монтажных работах в вашем доме. Еще я заказал суши. Через час обещали доставить. Адрес верный?

Андрей назвал улицу, номер квартиры и дома. Кирилл кивнул. Федор сказал:

– Спасибо...

– Пожалуйста. Я много взял, я голодный. Кто-то еще придет?

Федор замер, а Сыролийский ответил, прикуривая:

– Если придет, пельменей сварю.

Посмотрел вниз задумчиво, с легкой насмешкой сказал:

– А действительно, Федька-то в чем-то прав в своем юношеском снобизме... Сами ведь над собой издеваются, и не видят, не понимают как будто. Смотрите, сколько народа паркуется: на газонах, проездах пожарных; *народ!* Тут же паркинг на несколько сот квадратных метров, а нет, экономят. Потом развезут газончик по всему городу. И начнутся пыльные бури Питера... Слышь, Федька: дарю название! Душевно звучит?

«А потом стрясешь за подарок, знаем, плавали; но звучит...»

– А почему к твоему дому не подъезжают? Я вас пока ждал, заметил: к другим домам толпа от метро шла, а сюда человек десять от силы. Ну, может двадцать.

– Так они узнали, что ты здесь сегодня, Андрюха, и решили домой не возвращаться. Пришли самые ненормальные.

– Да ну тебя. А серьезно?

Кирилл всматривался в болезненно-желтое пространство двора. В длинных пальцах тлел огонек сигареты. «Ему так идет: стоит как герой сериала. В таком антураже ему самое место».

– Въехали самые нетерпеливые, вроде меня. Кто-то ремонт еще не закончил, так и живут в суете и грязище. В соседнем подъезде еще меньше людей. Дом-то сдали, но обнаружилось неполадки – ничего нового. Пойдемте, что ли, выпить охота.

– погоди, я Феде кое-чего хочу рассказать, а то забуду потом; вдруг ему пригодится для песен или еще для чего...

Кирилл обернулся, и Федор различил на лице брата язвительную улыбку. Андрей монотонно заговорил, вызывая, однако же, у Федора удивление и интерес:

– Вот ты сказал, что жизнь здесь вроде как издевательство, дисгармония социальная и культурная, и так далее, и так далее, упомянул Парнас. Мне интересно стало – я ведь не местный, – откуда название. Парнас – как-то странно звучит, *антично*. Действительно, в Греции существует такой горный массив, и в древности считался священными горами Аполлона; там обитали музы и...

– Представляешь, что он с ними выделявал?

– Да, спасибо, Кирилл, за дельный комментарий, так вот, Парнас на протяжении более чем двух тысячелетий упоминается в культуре как символическое местообитание поэтов и вообще деятелей искусства. Гора Парнас считалась средоточием земли...

– Все правильно: земли вокруг завались, но мы строим это...

– Дай закончить, пожалуйста. Название горы – Монпарнас – также было дано кварталу Парижа на левом берегу Сены, где художники и поэты собирались и публично читали свои стихи.

– Я тоже хочу Федьке помочь, погоди-ка, постой, умное лицо еще сделать надо; правда, не наизусть, уж простите. Вот, «Монпарнас»... Ага, слушайте: «В восемнадцатом веке на углу нынешних бульваров Монпарнас и Распай находилась огромная куча строительного мусора. Студенты Латинского квартала, приходившие сюда декламировать стихи, в шутку прозвали ее Парнасом. Квартал Монпарнас стал популярным в начале двадцатого века, когда здесь в легендарных кафе и кабаках стала собираться вся творческая интеллигенция. Сюда приезжали писатели, скульпторы, художники, поэты и музыканты со всего мира, чтобы найти себе дешевую квартиру или комнату, как, например, в многонациональном общежитии «Улей». В то время как бедная творческая диаспора боролась за свое существование, богатые американцы приезжали на Монпарнас, чтобы зарядиться творческой атмосферой квартала. Поэт Макс Жакоб сказал как-то, что он приехал на Монпарнас «чтобы грешить». Марк Шагал²⁰ выразился более сдержанно: «Я хотел увидеть своими глазами то, о чем я столько слышал. Эта революция глаза, ротация цветов, которые вдруг неожиданно смешиваются с другими цветами и превращаются в поток линий. В моем городе такого не было». Чтобы грешить, ребята – смекаете?

Кирилл отвел взгляд от телефона, подмигнул Толоконникову. Лицо Сыролийского было пунцовым: от свежего воздуха и странного удовольствия.

– А я и думаю, что ж мне так хорошо здесь живется, да еще и в кредит! А это вот почему! Так наш пустырь обозвали в честь парижской Гоморры или святилища как там его?

В глазах Андрея мелькнула искра превосходства.

– Самое смешное, что нет. Ваш Парнас всего-навсего сокращение: Парголовская насыпь. Это холм рядом, в Шуваловском парке. Создан руками крестьян графа Шувалова.

– Ничего себе – «всего-навсего»! Да ты глянь: все в домах, квартал за кварталом, это же город целый! Настоящий, людьми созданный, а не мифическим чудиком или писакнами-недоумками! Тут жизнь! Тут страдания настоящие. Здесь только страдать можно: ты глянь! Вот они, новые петербуржцы. Паркуются. Набиваются, как в консервы, корюшкой пахнут. Здесь у людей перспективы, зажатые стенами и кредитом. Тут простор! – от двери и до окна в двадцать шагов! Красота! Счастье! Здесь селятся сильные люди. Они на что угодно пойдут, чтобы счастливее стать – из вредности, добровольно. Они пашут с утра и до вечера, обменивая халупы родителей вот на это вот, приезжая из тьмутараканей; если им здесь *лучше*, что ж они бросили *там*? Сумасшедшие, смелые люди – в здравом уме здесь не селятся. Что вы на меня так смотрите? Я думаю, что я смелый. Вон, Федька, видишь: наш старый «корабль». Ты кого каждый день там встречаешь, на этом кладбище «кораблей»? Правильно, живых мертвецов, морячков с утонувшей посудыны. Их не надо оплакивать, им не надо оплакивать – ничего не надо оплакивать, они свое получили, поэтому их давно уже нет. Им подбросили все: жилье, образование, место работы, даже друзей и семью. Им этого не понять, каково самому быть хозяином жизни, свою они попросту доживают. Наш Парнас честный, наш Парнас – это вызов. Сама жизнь это вызов, конкретные действия. А в спальниках этих спят мертвым сном. Бегите оттуда скорее! Если оглянешься в тридцать: панельки, то знай – нежилец ты уже, нет тебя, Федя, пропал.

– А здесь? – мрачно спросил брата Федор.

– Здесь все просто: перепродажа, инвестиция, котлован – снова перепродажа. Мне ведь тоже на Петроградке нравится. Или, скажем, условный Париж. Если через пять лет оглянусь и не увижу вместо Парнаса *тот* самый Парнас, тот, что *Мон*, плюнь в меня, только знай:

---

²⁰ Марк Захарович Шагал (1887—1985 гг.) – российский и французский художник еврейского происхождения. Также писал стихи на идише. Один из самых известных представителей художественного авангарда XX века.

я пытался. И плевать разрешу, если сам сойдешь с «корабля» – но не как гребаный капитан, а впередсмотрящий, вовремя приметивший айсберг.

«Или крыса...»

– Ты подумай о моем предложении, – Кирилл легонько ткнул брата в плечо. Андрей буднично сообщил:

– Курьер ожидается через пятнадцать минут.

«Стемнело совсем, наверное. Не понять из-за этих панелей».

Руки замерзли; пальцы вжались в гитарные струны. Ноты мазали, ритм шатался, навязчиво отмерял свое метроном. «Ну же, давай. Соберись, это *легкая* партия!» Федор застучал ногой себе в такт, и в бутылке, спрятанной под столом, чуть колыхнулся «Рислинг». «Вот почему я такое вообще сочиняю: „Не подходи ко мне. Стой, где стоишь, молчи“? Мне кажется, или эти-то установки мне все портят с девчонками? Боюсь я девчонок, что ли? И это в двадцать-то лет! Ладно, не отвлекайся. Эти, кажется, поутихли; а хотя, я их слышать не должен».

Федор остановил бег метронома, прислушался: тишина, только дрожал высокочастотный мусор от подключенной в звуковую карту гитары. Положил пальцы на струны – звук исчез. «Будто в космосе... А хотя, откуда я знаю, каково там. Это Андрюха все знает, но я у него не спрошу. Есть охота. Так, еще дубль...»

В этот раз пошло как по маслу: пассаж легко, динамично лег между фортепианными нотами и перкуссией. Федор закрыл глаза; пальцы знали, что делать; исполнение соответствовало задумке: редкий вид удовольствия.

Кто-то тронул Федора за плечо; смазалась нота. «Да твою ж мать! Ведь почти от и до записал... Что там еще такое».

– Эй, Паганини²¹! Дело на миллион есть.

Старший брат стоял за спиной, на груди по-прежнему пестрел дурацкий призыв: «Узбагойся». В дверном проеме маячила кухня: часть стены с телевизором. На экране огромный рыцарь норовил раздавить оборванца.

– Суши доставили?

– Лучше. Надо сходить за льдом. Мы лед забыли купить. Сбегай, нагуляй аппетит. И пива еще возьми. Вот.

Сыролийский небрежно кинул на стол скомканные банкноты. Федор с неохотой отставил гитару. Возражать было без толку.

– Карту дашь?

– К метро сбегай, «Пикси» до девяти работал.

– Издеваешься?..

– Это *ты* своей тягомотиной над человечеством издеваешься, а я просто констатирую факт. Ну давай, я тебе ролл с тунцом от Андрюхи припрячу, я знаю, ты с тунцом любишь. И имбиря побольше. Я ж помню, я *панка*.

Федор сжал зубы.

– Так значит, курьер все-таки приходил?

– Да не было никого, говорю же. Если ты прямо сейчас пойдешь, успеешь на тепленький рис. Возьми две упаковки, остальное на пиво, там, у автобусной остановки...

– Знаю я...

Метроном отмерял бессмысленное сейчас время.

---

²¹ Никколо Паганини (1782—1840 гг.) – итальянский скрипач-виртуоз, композитор.

3

*Жил один мудрец, теперь его нет,
Он вернулся из Китая и зажег на кухне свет.
И к нему пришла соседка – якобы за солью, —
А сама сняла трусы и показала, где ей больно.*

«Сплин»

«Любовь идет по проводам»

Федор Сапрыкин натянул на взъерошенную голову наушники и разочарованно выдохнул. «Перезагрузить забыл, вот дурак. Вернуться? Нет, неохота...» Он сбежал по ступенькам с четвертого на первый этаж. Толкнул дверь, за которой были слышны голоса, сигнал прибывшего лифта и гул шагов – обычная вечерняя суэта многоквартирного дома. Федор дождался, пока звуки стихнут, и вышел в ярко освещенный квадрат с широким окном во всю стену.

– Марья Андреевна!.. – негромко позвал Федор, постучав по стеклу костяшками пальцев. – Вы еще здесь?

Площадка перед окном была залита светом, но там, внутри комнатки, все лоснилось от полумрака. Федор отражался в стекле: он стоял *здесь*, но будто и *там*, в темном пространстве. «Она же работать должна до утра. Или нет?» Федор вздрогнул: сквозь стекло на него пристально смотрели глаза. «Вот дура старая. Чего она там затаилась?»

– Марья Андреевна, у вас не найдется иголки?

Марья Андреевна шевельнулась. Полумрак встрепенулся: отблески света выявили отдельные детали в облике женщины: пуговицы кардигана, крупные бусы на толстой, покатошей шее, серьги в оттянутых мочках. Рот разъехался в стороны – женщина улыбнулась. «Ее там заперли, что ли, и высосали весь кислород? А я иголку прошу, чтобы лопнуть все?» Федор тронул дверную ручку: дверь в комнатку с легкостью отворилась. Он замер на границе света и полумрака, не решаясь войти. С этой позиции Марья Андреевна была не видна.

– Мне бы иголку, мне кое-что уколоть только...

«Что я несу, господи. И чего она все молчит?»

Тут он понял, что так и не снял наушники с головы. Слишком уж Федор привык к их несущественному весу, к тому, что музыка всегда – или почти всегда – ограждала его от окружающего мира. Сейчас музыки не было, но особая конструкция фильтров не пропускала звук. Федор сдвинул с правого уха наушник.

– ...Возьми вот булавочку. И на курточку приспособь, а лучше к майке или футболочке, так, чтобы никто не видел.

Голос громко влетел в сознание – Федор аж пошатнулся. И тут же из полумрака явилась фигура.

– Вот, держи. А то он на тебя *так смотрит сегодня*. Нет-нет, он мальчик хороший, но братья иногда ведь так ссорятся, страсть просто, аж до крови; ох, ну держи вот.

– А чего вы тут в темноте?.. – спросил сбитый с толку Федор. «Чего это она так о Кирилле? Никак он не смотрит; да ну».

– Почему в темноте?

Женщина протягивала Федору обыкновенную английскую булавку. Булавка матово серебрилась в рассеянном освещении; в подвесном потолке была спрятана лампа, и лампа делала свое дело: светила. Федор стянул второй наушник, осматриваясь: комнатка шага на три-четыре в ширину и длину, под окном стол с папками, документами, стационарным телефоном. В угол втиснут компьютерный монитор: картинка была поделена на несколько равных квадратов, в каждом квадрате рябило монохромное изображение, передаваемое с камер наблюдения.

«Света совсем ведь не было только что. Наверное, датчик сработал. Ну ладно – датчик, но я бы увидел через стекло отсвет от монитора».

Марья Андреевна вжала пухленький палец в стержень, высвобождая иглу. Федор протянул руку.

– Спасибо-спасибо, я только вот... Мне...

Он бездумно, на автомате, произвел нехитрые действия: вытащил из кармана «Walkman», отыскал отверстие в корпусе и вдавил туда острием. Ладонь озарилась слабым серым свечением: плеер был снова в порядке. Федор с облегчением улыбнулся.

– Хитрая какая игрушка, это что же такое, для музыки? Нет-нет, Феденька, ты оставь. Вот сюда приколи, от дурных глаз.

«Прямо как матушка; это возраст такой – суеверный? А, ладно. Что, жалко мне, что ли?»

Он дал женщине прицепить блестящий предмет к изнанке ворота свитера. Игла приятно обожгла кожу холодом.

– Спасибо, – Федор натянул было наушники на голову, как вдруг вспомнил. – А что рабочие делали? Ну, днем которые были.

– Так по плану: вчера первую лестницу сдали, сегодня и завтра у нас.

Федор бездумно кивнул, направляясь к выходу.

– Холодное водоснабжение, опять в подвале гудеть до вечера будут! – глухо ударил голос Марьи Андреевны, но Федор уже был на улице и слов этих не услышал.

«Хрен им японский, а не метро. Я по такой холодине туда не пойду. Скорчу рожу бабуле, интересно – увидит?»

Сапрыкин в самом деле показал язык, ухмыльнулся – жутко и странно, прямиком в объектив камеры: та приютилась под козырьком. В последний момент Федор решил помахать рукой – «чтобы не выглядеть идиотом». Довольный собой, он двинулся вдоль стены к дальнему углу дома. «У Артура лед есть. Темно-то как, хоть глаз выколи. Дерьмо, а не двор!..»

Мысли обволокло медитативной мелодией. Через тридцать шагов Федор был в нужном месте. Сквозь стекло белой двери из пластика он разобрал внутри мельтешение: это людские фигуры бродили вдоль полок. Федор дернул за ручку. Дверь с содроганием ухнула. «Заперто? Наверное, последние покупатели. Постучу, Артур меня пустит». За стеклом показалось лицо, похожее на оладушек, доброе и симпатичное: широкий нос, тонкая сероватая борода, усы сбриты, и глаза, точно налитые оливковым маслом – желтые и блестящие. Тонкие губы сложились в улыбку, щелкнул замок. Федор стянул на шею наушники. «И чего Кирилл на него взелся? Он просто добрых людей не любит. У него от доброты запоры. Это невроз. Он завидует».

– Что-то забыл? Закрываюсь, но ты заходи-заходи. Алкоголь после десяти не продаю, но могу сделать вид, что со временем *что-то случилось*, если надо совсем немного.

– Да мне лед нужен. Два пакета.

Артур отступил, пропуская клиента. Запер дверь на замок.

– И пиво...

Покупатель и продавец заговорщицки улыбнулись. Федор мотнул головой, всматриваясь внутрь помещения.

– А где... тут вроде еще кто-то был.

– Жильцов в это время через подсобку в подъезд выпускаю. Или впускаю, если есть надобность. Я и тебя так выпущу.

– А нежилцов? – спросил Федор, тут же ощущая неловкость от непрошеного каламбура.

– Такие сюда не заглядывают. Только свои.

Артур подмигнул, распахивая глухо урчащий морозильник. Федор понимающе закивал. «Мировой дядька. Цены нормальные, и все чисто, без гадости. Нам бы такой магазин-

чик в шаговой, как сейчас говорят, доступности. Дурацкое выражение... В шаговой. Да еще и доступности. Шлюха какая-то в подворотне... Тьфу, куда меня понесло...»

На кассе уже поджидал лед и расправленный полиэтиленовый пакет. Федор выставил из корзины десять алюминиевых банок.

– Насыщенный вечер? – улыбнулся Артур. Назвал сумму. Федор передал Артуру банкноты.

– Да не то чтобы... Немного гуляем. Брата повесили, я песню записывать буду; у него там записывать можно...

«Зачем я про повышение соврал? Да что со мной...»

На лице-оладушке промелькнула неуловимая эмоция. Продавец странно хмыкнул – будто бы сплюнул на пол. «Да уж, Киря Артуру явно не нравится».

– Слушайте, а вы это... Вам мой брат что-то *сделал*, наверное?

– С чего ты взял? – нахмурился продавец. Федор замялся. Стал складывать пиво в пакет. Артур ждал ответа.

– Ну не знаю... Он мне сказал... Брат сказал, вы паленую водку продаете, ну, местным подросткам. Он мне сюда ходить запрещает. А я не верю ему. Вы разве такой? У вас всегда тут порядок. Стали бы вы таким заниматься...

«Да заткнись ты, черт бы тебя побрал!»

Артур закрыл кассу: та шелкнула с вызовом.

– Так он больше всех у меня покупает – водку-то эту...

– Зачем?

– Известно, зачем – чтобы пить. Личное дело каждого. Но он спаивает кое-кого, а это мне сильно не нравится.

В памяти Федора мелькнуло лицо. «Если он сейчас скажет, что для *той* покупает, этой, как ее звать, я... Я не знаю, что сделаю, лопну от смеха, наверное!»

– Девчонку соседскую? Ну такую, со светлым каре, – как можно развязнее сказал Федор, весь сжимаясь внутри. Артур мрачно хмыкнул, и Сапрыкина затрясло; не от смеха, а от неизвестного чувства, и еще от мороза, исходящего из недр пакета. «Во дает... Во Киря дает». Что «Киря дает», Федор не понимал. Он только слишком уж оголенно почувствовал нечто болезненно гадкое. «Я завидую ему, что ли? Да с чего бы. Мало ли почему соседи общаются; я бы тоже с соседской девчонкой общался, помогал там, не знаю, с покупками...»

– Еще чего не хватало. А ты с ней, что ли, знаком?

– Нет, просто видел здесь, в доме... – смутился Федор и зачастил: – Так он ей покупает? А сама она – разве не может? Вы бы ей не продали, да?

Он вспомнил, что должно было лежать на дне красного рюкзака. Сморщился от омерзения.

– Не продал бы, ты прав.

– Из-за возраста?

– Нет, ей уже почти двадцать. Из личных соображений.

– А кого тогда брат-то спаивает?

– Ее отчима; он мне приятель хороший.

– А зачем это брату? Они пьют, что ли, вместе?

– Вот у него и спрости. А я ему больше не отпускаю.

Последнее слово Федор не понял, но уточнить значение не решился. Федору стало зябко и неуютно.

– Можно чипсов со сметаной и луком? – невпопад попросил он. Артур стянул с полки пачку.

– Подарок от заведения. Да не бери в голову. Просто Майя... Она после смерти матери *немножечко* не в себе. Я с ними дружил. То есть с Борисом, отчимом Майки, я и сейчас стара-

юсь общаться, но мужика подменили как будто. Любил он ее; убивается, буквально ведь себя убивает. А Майка – возраст такой, ну и брат твой, конечно, не вовремя; нет-нет, я не ханжа, но больше не *отпускаю*. Ну и хватит об этом. Что-то еще хотел?

В голове не мог родиться вопрос, и Федор пробормотал:

– Вроде все...

– Тогда давай я тебя выпущу. Вот, сюда. Погоди, ты же из другого подъезда, правильно?

– Я с Жени Егоровой²².

– Да я не про это. Я просто мог бы тебя сразу в подъезд провести, у меня тут технический коридор.

– Нет-нет, мы в соседней парадной, не надо...

Артур кивнул, отпер ключом дверь, приглашая позднего посетителя пройти к выходу. Блеснули оливковым маслом глаза в тусклом электрическом свете.

– Ну, тогда доброй ночи и творческого вдохновения. Заходи, тебе буду рад.

В помещение ворвалась по-ночному промозглая свежесть. Федор вышел на улицу. Сказал запоздало: «Спасибо...», но дверь за ним уже заперли.

У второго подъезда он встретил курьера: высокий тощий парнишка изучал домофон. На узкой спине огромным кубиком Рубика взгромоздился оранжевый короб. От короба пахло едой.

– В пятьсот тридцать четвертую? – дружелюбно спросил Федор, доставая из кармана ключ-таблетку. Парень неприязненно оглядел его. «Ну понятно, какой-то голодный лентяй заставляет шататься в такую-то холодину. Я бы тоже был недоволен. Терпи, это только начало. Но если и в тридцать будешь таскать этот горб, то грош твоей жизни цена». Сапрыкин нахмурился: это были совсем не его мысли.

– Ага. Тут заберешь?

Курьер с вызовом смотрел на ровесника.

– Э-э-э, – растерялся Федор. – Платить должен не я, и у меня руки заняты, *извините*. Сейчас дверь открою.

Парень с коробом промолчал. Лицо покрылось морщинами пренебрежения. Федор попал таблеткой в магнитный замок – пискнул сигнал, – и в тот же момент вспомнил, что Андрей оплатил уже свой заказ. Они вошли в теплое помещение. В глаза им ударил назойливо-яркий свет. «Пускай покатается, раз такой вежливый. Ишь, как пялится, злюка».

– Этаж какой? – надменно спросил курьер.

– Четвертый...

Федор поискал глазами консьержку. Комната за стеклом казалась пустой. «Куда она вечно проваливается? Под стол, что ли, падает?» Ему махнули рукой: Мария Андреевна проплыла, как рыба в аквариуме. Федор с болезненным облегчением выдохнул. «Да что со мной? Просто надо нормально поесть». И он с надеждой взглянул на курьера.

В коридоре четвертого этажа Федор сразу же ощутил вибрацию. Курьер небрежно скинул на бетонный пол короб, недобро нахмурился и полез за пазуху. Уставился в экран телефона.

– Заказ *оплачен уже*. Не мог сразу сказать?

Вытащив три пахнущих рыбой свертка, парень вручил их резким движением Федору. Процедил саркастично:

– Приятного аппетита.

И тут же уведомил:

– Я у вас тут на лестнице отолью.

---

²² Улица на северной окраине Санкт-Петербурга.

Федор озадаченно промолчал, и курьер, улыбнувшись довольно, взвалил оранжевый горб себе на спину. Сапрыкину вдруг сделалось весело:

– Ты на девятый езжай, там никто не живет, и камеры не работают. Вот, у меня тут немного...

Он протянул ровеснику сдачу от пива и льда. Тот не глядя смахнул деньги из рук. Вызвал лифт; пассажирский уже успел укатить на двадцатый, грузовой – на двенадцатый.

– У вас там так долбит?

Вибрация ощущалась все явственней. Из глубины коридора доносилась жуткая какофония. «Кирилл мониторы на кухню выставил. Плохо. Не запишу сегодня уже ничего. А зачем я *этому* денег дал? Чтобы он там нагадил? Получается, так...»

Курьер нырнул в прибывший лифт, створки сомкнулись, лифт тронулся. Федор смотрел на зеленые цифры. «А! На девятый поехал! Он там нарвется...» Оглядываясь по сторонам, загадочно улыбаясь, Сапрыкин неспешно направился к источнику какофонии.

Музыка напоминала Первую мировую войну, битву на Сомме²³ – не меньше; напоминала масштабами ужаса, жертв, разрушений. Федор слышал, как тысячи залпов орудий превращают людей и животных в фарш, как примитивные танки давят солдат в сок и мякоть, и как противники перемалывают друг друга до костной муки. Он не решался постучать в дверь. За дверью творилось безумие. Он подумал: «*Зачем это слушать?*», и вдруг понял, что дверь вовсе не заперта. Набрав в легкие сухого пыльного воздуха, Федор тихо вошел в квартиру. Первое, что он увидел, была расплывчатая фигура Андрея, вжавшаяся в стену прихожей. Федор отчетливо различил на лице Толоконникова влажно блестящие глазки и скользящий по темным губам язык. «Какого черта он делает?» Федор понял, что Андрей к чему-то прислушивается – новый босс брата будто врос в двери спальни. Они, кажется, встретились взглядами: Толоконников подмигнул, но не Федору, а себе самому, и еще Федору показалось, что свет в прихожей отливает неестественно густой синевой. Федор положил пакет и свертки на пол, стянул с себя кеды, глянул на стену: новой одежды на гвоздиках не было. Сжав зубы, в мрачном предчувствии, снял куртку. «Нет, скажите мне, что это неправда. Пожалуйста, только не говорите, что эта жирная сволочь слушает, как мой братец там...» Сапрыкин быстро прошел на кухню. С лоджии в центр комнаты тянулся провод: мониторы изрыгали «Битву на Сомме» прямым с пола. «А если я вот что сделаю...» Федор втиснулся в узкое помещение, различил на экране ноутбука нужное приложение и шлепнул по клавише мстительно. Рухнула тишина, и через секунду отчетливо послышался чувственный женский стон. «Охереть можно!» – выругался Федор, беспомощно сжимая кулак. Ему захотелось исчезнуть отсюда. «Ведь мог до метро дойти. Если бы знал, то уехал домой. Да пешком хоть сейчас ведь могу, идти полчаса!...» Женщина особенно громко и сладострастно вскрикнула. Федор остервенело ткнул дважды в файл. Мониторы хarkнули высокочастотным мусором, и раздалось фортепианное вступление композиции. Федор увидел Андрея: тот стоял на пороге кухни и показывал большой палец. Толоконников был пьян: лицо покраснелось, взгляд сально блуждал. «Ему волю дай, он прямо под дверью из *солидарности* такое бы выкинул... Господи, ну я ведь спрашивал: точно без сюрпризов все будет, мы просто партии вместе запишем? „Да, Феденька, точно, да, братик, я зуб даю!“ Тьфу! Говна ты кусок, Киря; а, ничего нового. Не пойду я домой. Запрусь и буду играть. Пошли они сами! Еды наберу, вина возьму, и запрусь. Да кто же там с ним надрывается так *неестественно?*» Сквозь музыку все еще прорывался так сильно смущающий Федора женский стон. Федор прибавил громкости. Андрей снова показал большой палец.

---

²³ Битва на Сомме – битва на французском театре Первой мировой войны армий Британской империи и Французской республики против Германской империи. Состоялась с 1 июля по 18 ноября 1916 года на обоих берегах реки Соммы. Битва при Сомме – одна из крупнейших битв в ходе Первой мировой войны, в которой было убито и ранено более 1 000 000 человек, что делает ее одной из самых кровопролитных битв в истории человечества.

– Пакеты сюда принеси, – одними губами произнес Федор. «Извращенец ты гребаный». Андрей Федора понял: схватил в охапку выпивку и еду и, пошатываясь, побрел к холодильнику. Выудил лед, впихнул с грохотом в морозилку, открыл банку пива и, опрокидывая на грудь пену и струи, опорожнил на четверть. «Вот ведь свинья. Животное просто. А может, он своей очереди дожидается?» От этого предположения Федора передернуло. Он как-то по-новому взглянул на Андрея. «Да ну. Нет. Нет-нет-нет».

– Там это... – подал голос Андрей, вытирая губы рукой. – Такое дело... Кирюха просил подождать. Лады? Ды? Ну тады гы...

Федор беспомощно замер на месте. «Просто поем. Просто покушаю. Вот, с тунцом, васаби побольше. Что мне, пять лет, в самом деле? Пускай там хоть на головах стоят...» Он быстро распаковал палочки, ловко пихнул в рот ароматный рисовый колобок целиком, зажевал имбирем, запил теплым пивом. Мельком увидел застывшую сцену: оборванец валяется в нечистотах, а над ним возвышается грудастая гарпия с молодым порочным лицом. Посреди экрана замерла кровавая надпись: «YOU DIED»²⁴. «Если туда боров пойдет, меня точно стошнит: вот, креветками. Ненавижу креветки; эмбрионы какие-то, фу...» Федор посмотрел на Андрея: Андрей покончил с пивом, и теперь безуспешно пытался подцепить вилкой розоватый кусочек. Выдохшись, потерпев неудачу, он махнул внушительную порцию васаби. Лицо его покраснелось. Он действительно стал похож на животное: неумное, громкое; от тела несло кислым потом. В прихожей что-то зашевелилось. На кухню вошел старший брат – по-прежнему в дурацкой футболке, уставший, довольный. Он вскрыл банку пива и медленно, сосредоточенно прикончил напиток. Устало сказал:

– О, Федька, быстро ты. Кушай вот, привезли.

От Кирилла пахло холодом и табаком. Федор раздраженно кивнул. В прихожей – он заметил это невероятным образом – снова мелькнуло: что-то черное, грязное, и там стало темно. Кирилл улыбнулся, насаживая тельце креветки на палочку. Федор ощутил, как из сознания исчезает вкус рыбы. «Ну да, да, ну и что? Ну понятно, и чего я раскис? Какая-то дурочка встречается с братом, да у меня этих дурочек целая тысяча. Любую хватай и – о, Господи...» Он сказал «О, Господи» вслух. Кирилл скользнул иронично-смеющимся взглядом по Федорову лицу.

– Ты чего так вздыхаешь? Кстати, ты же не против? – к нам попозже соседка зайдет. Скрасит мужскую компанию.

«А разве *уже* не зашла? – подумал Федор уныло. – Только *этого* еще мне не хватало». Он поднялся, невозмутимо переложил на тарелку несколько роллов, вытащил бутылку вина из холодильника, сказал громко:

– Слушай, я пойду, допишу. Мне там буквально вот...

– Да пожалуйста, – снисходительно обронил брат. – Только оставь нам колонки. Пиши в наушниках, ладно? И выходи иногда.

«...У кого-то дыра в груди, у кого-то дыра между ног! И кому-то лучше взять и уйти, а кто-то уйти так и не смог!»

Федор обреченно заткнулся – он задышался. Пение этих строк выпотрошило весь кислород из легких. Голова кружилась. Хотелось на свежий воздух. Он рухнул на табурет, устало отпил из бутылки. Лоб покрывала испарина.

«Искусство требует жертв: это не пустые слова. С каждым шагом, с каждым маленьким шагом к вершине оно забирает из меня что-то важное, нужное мне в обыденной жизни. И пусть это никто не видит, но я иду: в своей голове, в подсознании, я иду, я ползу по отвесной скале – прямиком в никуда, в потемках...»

Он пошевелил пальцами правой руки.

²⁴ Вы мертвы (англ.).

«Да, я слабак. Но слабак, полный сил. Мне *что-то доступно*, я чувствую. Пусть я старую хуже других, пусть могу отставать. Но почему-то уверен; уверен! – на финише они увидят мой зад. Далеко-далеко впереди...»

Свет колыхнулся – сюда проник другой свет. Федор дернулся на сиденье, испуганно, тихо охнул. На лоджию проникла фигура, закрыла за собой дверь. В ограниченном пространстве теперь было двое: он и та самая девушка, что встретила его днем. От плеч и до пяток тело ее покрывал черный плед. Светлые волосы потемнели от приглушенного освещения. Серо-зеленые глаза смотрели на Федора с неясной эмоцией.

– А ты чего к нам не выходишь? – спросила она, глухо для Федора из-за надетых студийных наушников. Он медленно стянул их на шею. От девушки вкусно пахло: вербеновым мылом и чем-то еще. Федор крепче сжал микрофон.

– Привет...

– Что поешь? Дашь послушать? Кирилл сказал, мне понравится. Я, кстати, Майя.

Девушка протянула Федору руку. Он не решился отпустить микрофон. Не хотел касаться девичьей плоти.

– Я Федя... То есть Федор, я Федор, ну, знаешь... Так а чего вы, что вы там, а я вот тут, наверное, скоро...

Воздуха решительно не хватало. Тогда Федор сделал усилие и громко вздохнул. В глазах замерцали искорки.

– *Ты зачем пришла?* – громким шепотом спросил он. Замер от собственной дерзости. Девушка скривила смешливо лицо, щелкнула пальцами и спрятала руку под плед.

– Сюда? К Кириллу? Мы *дружим*.

Майя разглядела бутылку под столиком. Взглядом попросила подать. Федор протянул «Рислинг». Она, морщась, выпила.

– Ну... А вы разве с ним не...

Девушка недовольно прищурилась.

– Он *так* сказал? Вот придурок.

«Это не он сказал, это **ВЫ** заявили с порога».

Она снова выпила; лицо превратилось в звериную мордочку. Федор протянул ей тарелку с остатками роллов.

– Спасибо. Туец? Очень вкусно.

«Она голая ведь под пледом?» – вдруг подумалось Федору. – Это *он* ее ко мне *подослал*...» Он сжался весь. Отвернулся от девушки. Перед глазами яркими, разноцветными линиями и фигурами пестрил на экране музыкальный проект.

– Сегодня позвал – в кои-то веки. А мне скучно дома одной.

Пахло вином, рыбой и мылом. Федор вновь глянул на девушку – она переступила с ноги на ногу.

– Ты там голая? – сказал Федор, краснея, чувствуя в висках нарастающий шум. «Это шутка такая, Кириллова шутка. Подружку ко мне свою подослал. Смотри, мол, какая! Смотри, но не трогай. Трогать *нельзя*». Последняя мысль была заклинанием себе самому. Майя тихонечко засмеялась.

– А ты странный. Сейчас, погоди-ка, проверим...

Черный плед упал на пол: на девушке по-прежнему были надеты ярко-желтые леггинсы и белая майка. Внизу, в темноте, угадывались очертания босых ног.

– Не голая. *Разочарован?* – хихикнула Майя. Подняла плед, обмоталась им. Федор деланно фыркнул, отмечая, что под майкой по-прежнему ничего нет.

– С чего бы?

«Зачем я спросил? Какое мне дело вообще?»

– Ты все это про *личное* так уверенно спрашиваешь, потому что психолог? Кирилл сказал, ты психолог. А психологи любят всякую чушь спрашивать – да?

Федор опешил. Промямлил негромко:

– Я учусь на социального педагога, это...

– Не психолог?

– *В том числе* психолог. Но есть разница...

– Хочешь поговорить об этом?

«Шутка давно устарела. Да чего ей от меня надо?»

– Нет...

– А я хочу. Только мне не с кем.

– Тебя никто не понимает и все такое, всем на тебя плевать?

Майя с легкой грустью кивнула. Отпила из бутылки.

– Ну да. А ты думаешь, это нормально или смешно? Ты с иронией ведь сказал. А я от этого прямо вешаюсь.

– А Кирилл?..

– Он не вешается, он виски глушит с пухлым придурком.

– Да нет, я про другое: он с тобой не общается? Вы ведь дружите, сама же сказала. Дай глоточек...

– Дружим, – кивнула девушка, передавая бутылку. – Но исключительно *письками*.

Федор прыснул, закашливаясь вином под громкий смех Майи, вскочил с табурета. Девушка зааплодировала.

– Ну, ты чего! Я ведь хлопаю!

Федор замычал, закачал головой. Выдохнул и сел обратно. Взболтнув остатки, он прикончил вино. С сожалением хмыкнул, ища под ногами выроненный микрофон. Увидел девичьи ступни.

– Смешные вы. Верите, когда вру. Когда говорю вот как есть, вином давитесь. Как с вами общаться?

– С кем?

– Да с людьми.

– А обязательно надо общаться?..

Микрофона нигде не было видно. Но обнаружился шнур: тот змеился прямоком под черную ткань. «Когда успела поднять? Ну и зачем он ей?» Федор с тоской уставился на девчонку.

– Ты что, с Луны? Люди *общаются*. Мы социальные твари дрожащие, ах, господин педагог!

– Ага. Верни микрофон, пожалуйста. Кирилл мне за него уши открутит. Он знаешь, сколько стоит!..

– Кирилл сколько стоит? *Знаю*. Он часто этой конурой хвастается. Особенно звукоизолирующей. Мы тут на спор как-то с ним заперлись, а снаружи ребята слушали...

– Да, – громко и неопределенно выпалил Федор, дергая шнур. Майя поглядела на него большими глазами.

– Что – да? Ты дослушай. Оказалось, что все прекрасно там слышно. А вот *мы здесь никого никогда не услышим*...

– Отдай микрофон, Майя.

– Да пожалуйста.

«Ну чего она от меня хочет? Сколько времени... Полночь почти. Мне еще столько всего записать надо! Как бы от нее избавиться? Какая она дурная, Майя эта; дурацкое имя!..»

– Ты смотрела фильм «Ослепленный желаниями»²⁵? Там Брендан Фрейзер мог у дьявола любое желание загадать. Знаешь, что он попросил?

– Ну?

– Он ей сказал: «Отстань, Сатана, я работать хочу».

– Погоди – «ей»?

– Дьяволом была женщина. В исполнении Элизабет Херли. Та еще штучка. Для мужчины дьявол *всегда* женщина.

Девушка вновь переступила с ноги на ногу: кажется, она устала стоять на одном месте.

– Это что-то по Фрейду, да, что-то личное? Я этот фильм помню. С чисто мужским самолюбием ты пропустил те моменты, то есть практически весь сюжет, где персонаж Фрейзера нажелал тупого мужского дерьма: много денег, большой агрегат, амбиции, власть – как обычно... А теперь с умным видом пытаешься меня к этим придуркам прогнать. Да еще так подчеркнуто мерзко: мол, если уж Фрейзер не повелся на Элизабет Херли, то тебе, Майке-алкоголичке тощей, и подавно ничего тут не светит, да? Это ужасно не педагогично! Ты посрамлен, Федор Сапрыкин.

Федору показалось, что в него плюнули.

– Почему «алкоголичке»?.. – только и смог спросить он.

– А это меня так твой брат зовет в минуты душевной слабости. Я майки люблю носить, а еще это действительно мое имя; а еще мой отчим пьет, как скотина. Поэтому – Майка-алкоголичка. Которую можно вот так...

Она не договорила: Федор поднялся. Пристально посмотрел на облепленную черным фигуру.

– Хочешь сесть? – предложил он.

– Господи, мне что – пятьсот лет? Мы же не в трамвае в час пик. К тому же ты не сможешь кое-что для меня сделать. Сядь.

Федор бездумно сел.

– Что сделать?..

– Дать объективную мужскую оценку.

Он вскочил с табурета.

– Да сиди ты, что скажешь! Ничего сложного. Ты как психолог должен честно сказать: все ли со мною в порядке? Как психолог-мужчина. Чего ты краснеешь?

«Лицо все горит. Жарко, дышать совсем нечем. Надо выйти».

– Ничего неприличного, все в рамках уголовного кодекса. Могу написать расписку: мол, по моей просьбе Федор Сапрыкин произвел беглый профессиональный осмотр такой-то гражданки, число, подпись. Написать?

Федор беспомощно мотнул головой.

– Тогда отвернись.

– Отвернуться?..

– Конечно! Я ж тебя первый раз вижу, ну ладно – третий. Я стесняюсь.

– Слушай. Я выйти хочу. Мне дышать нечем. Можно я выйду? У Кирилла спроси, у Андрея вон... Майя, я ведь серьезно.

– Да они-то тупицы! Это на пять минут. Отвернись.

Федор Сапрыкин подчинился. Сел вполоборота, вперился в экран ноутбука. Натянул наушники на голову, нажал «Play»²⁶. Услышал собственный голос: «Не подходи ко мне, стой

---

²⁵ Кинокомедия 2000-го года режиссера Гарольда Рамиса. Является ремейком одноименного фильма 1967 года. В главных ролях – Брендан Фрейзер и Элизабет Хёрли.

²⁶ (англ.) – здесь: «Воспроизведение».

где стоишь, молчи!..» Не хватало гитарного риффа, но так композиция казалась сейчас даже лучше. За спиной Федора что-то происходило – он чувствовал движения девушки.

Майя тронула его за плечо. «Это то, что я думаю?..» Федор нехотя обернулся. «Боже... Ну зачем ты это все делаешь?»

Она стояла перед ним обнаженная, распахнув черный плед – точно летучая мышь расправила крылья. Лицо ее порозовело. Тело же было налито болезненной белизной. Оно было чуть-чуть припухшим, вовсе не тощим, оно было свежим и молодым – и близким: Федор непроизвольно отпрянул. «Ну вот, она голая. Я же видел уже голых женщин, чего мне бояться: в журналах там, в разных фильмах. У некоторых ужасные эти кусты; у Майки совсем ничего. Ну и что? Что такого? Обычная физиология молодой женщины. А грудь у нее больше, чем...» Он кашлянул, с трудом стараясь смотреть в глаза Майи. Она отпустила ткань и повернулась спиной. «Ну ладно. Отличная задница. Ноги стройные. *Молодец*. О, ну только не это!..» Федор почувствовал совершенно естественную реакцию мужского организма на созерцание обнаженной молодой женщины. Он стыдливо приложил микрофон к животу, стараясь как можно незаметнее изменить позу. «Нога на ногу. Нет, будет смеяться. Да сиди, как сидел! Ну что ты так смотришь, дурная...» Девушка развернулась и пылливо поглядела в глаза. Федор с благодарностью ответил на взгляд. «Только вниз не смотри, и все со мной будет в порядке...»

– Ну? – спросила, наконец, Майя. – Дашь оценку? Только честную. Не жалея и не ври.

Федор заморгал. Потер виски пальцами. Вяло ответил:

– Да чего врать-то...

– Так и что?

– Ты красивая. Очень красивая. Правда.

– Нравится?

– Ну... нравится, конечно, говорю же...

– То есть, чтобы нравиться, нужно красивой быть?

– Нет, наверное, не обязательно, но в твоем случае все совпало... Ну, внешность и ты вот сама, хотя я тебя толком не знаю...

Майя фыркнула.

– Тогда почему, если и тело классное, и сам человек хороший, умный там, добрый, то такой никому не нужен?

– Ты про кого? Кому кто не нужен?

– Я просто так размышляю. Ни про кого. Я симпатичная?

– Я же сказал: красивая... Слушай, оденься, пожалуйста...

– Ну это понятно, а *симпатию* вызываю?

«Эрекцию ты вызываешь, черт бы тебя побрал; выпить хочется...» Федор вздохнул, не сводя глаз с лица Майи.

– Симпатия – это когда ты в одежде, это больше про душевные качества. А если вот так парню голую задницу вдруг показать, про симпатию речи уже не идет. Тут область инстинктов уже начинается.

– У тебя началась эта область? – смешливо кивнула на живот Федора Майя. – Ты чего так уселся?

«Твою мать!.. Все, пора прекращать...»

– Ну скажи, только честно – я вызываю *желание*?

Девушка изогнулась, провела руками по бедрам и талии. Федор ощутил истому в паху. «Я же не евнух! Вот ведь пристала!»

– Вызываешь, как и любая другая красивая бы вызывала.

Майя нахмурилась. Наклонилась – грудь колыхнулась, – натянула на плечи плед, запахнулась в черную ткань. Сапрыкин сказал с облегчением:

– Спасибо... Теперь можно я...

– То есть моя личность тебя никак не волнует. Только тело?

– Я же тебя не знаю совсем. Мы не знакомы, понимаешь, мы полчаса тут зачем-то сидим, ты мне мешаешь, разделась зачем-то. Ну ты чего, Майя! Волнует ли тело? Ну так мы устроены: волнуется, уж будь здоров. Аж сидеть больно...

Он не договорил, поспешно заткнулся. От стыда щеки горели. «Если она скажет: „Покажи, дай потрогать“, я улечу в стратосферу! Ты ведь такого не скажешь, пожалуйста, не говори ничего...» На миг Федору показалось, что именно это он бы не прочь был услышать из уст девятнадцатилетней девчонки. «Это Кириллова шутка. Это Кирилл ее подослал. Какой-то кошмар эротический». Он поднялся, решительно намереваясь выйти на кухню.

– Стой! Ты мне еще скажи.

– Что? – лица парня и девушки оказались друг напротив друга. От девушки приятно пахло: вербеной и чем-то еще.

– Тебе зачем такие длинные ногти? И только на правой руке – это чтоб на гитаре играть? Или для неприличных штучек каких-нибудь? Ты россомаха-маньяк?

– Чтобы играть...

– Стой, еще: у меня с головой не порядок? Ну, только честно.

– Определенно не все дома...

От этой сентенции серо-зеленые глаза девушки заволкло влагой: Майя заплакала – вдруг, тихо, взаправду. Федору сделалось *странно*: тоскливо и страшно.

– Эй, ты чего?.. Ну чего ты, я что-то глупое ляпнул?..

Майя подтянула к лицу плед, утирая нос и глаза. Федор совершил микроскопический шаг вперед – к ней.

– Ну прости, я же ничего такого...

– У меня правда не *все* дома. У меня мама не дома. Я так по маме скучаю!..

Девчонка дрожала. Федор не удержался и обнял ее. Девичье тело прижалось к нему с благодарностью: он ощутил жажду тепла, сострадания. Ощутил теплую влагу на собственной шее. «Да, ведь Артур говорил... Господи...»

– Ну, ну, все в порядке...

Замолчал, понимая, что лучше ничего не говорить. Прошла очень тихая, будто ненастоящая минута.

– Дашь послушать? – невнятно прошептала Майя. Федор кивнул. Уступил место, приглашая девушку сесть. Она улыбнулась, отерла лицо ладонью. Села за стол.

– Извини... Я, кажется, много выпила...

Федор подал Майе наушники. Он не хотел делиться результатами вечера, он был недоволен собой, но сейчас не мог отказать этой «дурной девчонке». «А вдруг ей понравится?» – подумал Сапрыкин и тут же одернул себя: «Ну понравится, ну и что?» Майя надела наушники. Федор сделал чуть тише и нажал клавишу. «После всего, что она тут устроила, текст ей покажется недвусмысленным. Да он и без того слишком уж „в лоб“; надо больше внимания метафорам уделять; да, но именно здесь так уместно...» Он рассеянно размышлял; девушка покачивала головой. Федор слышал знакомый до каждой нотки бубнеж и влажный отзвук ударных. Несколько раз «раненой чайкой», как он сам над собою смеялся, прорывался его фальцет.

Композиция кончилась. Ползунок продолжал ползти вперед в бесконечность – так была настроена сессия.

– Это ты про кого сочинил?

– Ни про кого. Это... Так, мои *ощущения*.

– То есть ты запрещаешь кому-либо к себе подходить, потому что, цитирую: «Это пройдет, замри, дыши так, будто хочется наблеть, и не смотри туда, где взгляд мой липнет к тебе, как блядь». А дальше ты продолжаешь: «Да, я немного груб, но пойми – так будет лучше, чем

ты обнаружишь жизнь в крови, когда встанешь вновь с колен». Боже, Федя, да ты сам ненормальный!

– Как ты все это запомнила?..

Майя прищурилась. Постучала ногтем по наушнику:

– Вопрос не в том, как я запомнила. Вопрос в том, как ты подобное сочинил. А знаешь... Мне нравится. Резонирует во мне чем-то. Местами прям кайф, но вот эта акустика, например, куце звучит; сюда бы гитарку жирную, чтоб в животе все скрутило!..

– Гитара там будет. Кирилл должен сыграть.

Девушка болезненно сморщилась.

– Кирилл? Ну потом еще дашь послушать. А знаешь, что можно добавить? Да погоди кукситься, знаю, вы не любите, когда вам советы дают, короче: а давай я сюда соблазнительно кое-что нашепчу в самом начале? Ну, типа, в тему будет: драматургия, да? Буду той самой сучкой, которая лирического героя мучает. Можно? Я и слова придумала. Там немного, две секунды всего.

Федор пожал плечами. «Сотру просто. Жалко мне, что ли. А хотя, если будет уместно, оставлю. Вот дурная, ей-богу...»

– Не подслушивай. Я запишу, выйду, а ты потом зацени. Ну, давай. Закрой уши.

– Я когда кнопку нажму, говори.

Майя кивнула. Сапрыкин создал в проекте новую дорожку для записи. Рассчитал так, чтобы до первого уже существующего звука было примерно десять секунд, нажал клавишу. Сознание заволкло глухой тишиной – Федор плотно прижал ладони к ушам. Девушка взяла микрофон и проговорила в него несколько фраз. Повернулась и выразительно посмотрела на парня. Встала, запахнулась в плед поплотнее, подобрала с пола майку и леггинсы. Взяла пустую бутылку и вышла на кухню.

4

*Let's sleep together right now
Relieve the pressure somehow
Switch off the future right now²⁷*

«*Porcupine Tree*»

«*Sleep Together*»

- Ха-ха-ха! Она башку тебе откусила!
- Теперь опять бежать через всю крепость?
- Да! Беги, там сто тысяч было!

На экране телевизора творилась настоящая вакханалия, впрочем, как и повсюду здесь: на диване вертелись, смеялись и обильно потели Сыролийский и Толоконников; на столе и под ним были разбросаны палочки, крупинки риса, скомканные салфетки, размазаны пятна васоби, пролиты лужицы пива, виски и черного соуса. Кирилл и Андрей были пьяны, но пьяны так, словно скрывали этот факт друг от друга. Сквозь негромкую какофонию было слышно, как звенит лед в стаканах, как Андрей остервенело лупит пальцами по геймпаду.

- Сто тысяч?! Сто гребаных тысяч! Не добегу!

Федор подошел к раковине, чтобы налить воды в стакан. Майи на кухне не было. На него не обращали внимания.

«Надо поговорить с ней. Я не имею права молчать».

Федор выпил два неполных стакана, уставился в одну точку.

- Плюс тридцать – это ж нормально?
- Не поможет; да жми ты, давай!..

Вытащил из холодильника бутылку вина и тяжело посмотрел в сторону коридора. «Сложно с девчонками. С девчонками всегда почему-то так сложно. Что мне с ней делать?»

- К боссу иди! Чисто на дурака!

Федор сдвинулся, наконец, с места. Миновал кухню и оказался в прихожей. Дверь в спальню была приоткрыта, из щели струился насыщенный фиолетовый свет. Федор кивнул сам себе. Щелкнул выключателем и зашел в совмещенный санузел. Поставил на пол бутылку, уставился на собственное отражение в зеркале. «И что мне с ней делать?» Включил холодную воду и обстоятельно умыл лицо. «Помыться бы целиком. Чувствую себя грязной скотиной...» Он и вправду собрался уже стянуть через голову свитер, как увидел в воротах блеск от булавки. Оттянув ткань, Федор скосил глаза к переносице: булавка казалась огромной. «От злого братца, значит? А что, если братец злой – я?» Отпустил ворот, посмотрел в отражение снова. «Ведь ржавая у меня душонка, и глупая. Ну, что пялишься? Иди давай, раз собрался. Она, конечно же, врет, но я не имею права...» Федор поднял стульчак и расстегнул ширинку. «Только чур, уговор: ты не будешь топорщиться, как отбойник. Ну вот, дожил: с членом своим говорю. Да почему я такой идиот!» Он зажмурился. Разобрал в памяти отголосок совсем недавно услышанных слов: «*Я сегодня ночью исчезну. Если ты от меня чего-нибудь хочешь, успевай до рассвета, пожалуйста. И еще: тебе никто не поверит. Потому что я всегда и всем вру. А песня мне правда понравилась. Эй, не живи как придурак – позволь кому-нибудь подойти*».

- Майя? Ты здесь? Это Федор...

---

²⁷ (англ.) – Давай сейчас же уснем с тобой, Растворим напряжение так, Отключим будущее прямо сейчас.

Не дожидаясь ответа, Федор скользнул в фиолетовый свет. Он сразу увидел ее: она сидела в центре кровати, скрестив по-турецки ноги. Черный плед по-прежнему укрывал тело: с плеч словно стекала ночь.

– Закрой дверь.

Федор плотно прижал полотно к косяку.

– На защелку закрой. Там защелка есть – видишь?

«Это еще зачем...» Он не стал закрывать, прошел вперед, сжимая в руке бутылку. Девушка встрепенулась, поднялась и стремительно подошла к Федору.

– Говорят тебе – «закрой», так надо!

Она дернула механизм. «Вот мы и заперты с ней. Чего она заперлась?» За дверью послышался взрыв пьяного хохота.

– Если заперто, значит, я сплю уже. У нас новое правило. Я одна теперь сплю, когда здесь ночую. *Он* на диване. Понял теперь?

Федор не понял, но на всякий случай кивнул. В фиолетовом свете лицо Майи казалось зловещим, а волосы – синими. Она разглядела бутылку, одобрительно улыбнулась. Потянула Федора за собой.

– Открывай. Да не бойся ты, не кусаюсь.

В углу у кровати что-то валялось. «Одежда... Неужели она не оделась? Погоди, она, может, *переделалась*. А вещи просто раскидывает. Я же сам так раскидываю. Мне с ней просто поговорить надо. Выясню, что это шутка такая дурацкая, мы посмеемся, и я пойду бэки²⁸ писать, пока голос совсем уж не сел». Он неловко устроился на самом краю кровати. Майя забралась снова в центр. Посмотрела на Федора исподлобья.

– Ты зачем пришел?

«В зеркало со мной играть начала. Ну, в эту игру вдвоем играть можно».

– В смысле? Сюда, к Кириллу? Так он мой брат...

– Дурак! Ко мне зачем пришел? Ты ж ко мне пришел, не за водкой?

– Да я просто так, – Федор пожал плечами. Медленно открутил пробку и сделал глоток.

Протянул «Рислинг» девушке.

– Просто так, как же.

Она тоже выпила. И тут же – еще. И третий глоток.

– Ну-ну, мне-то оставь.

– Жалко тебе?

– Не жалко. Я просто вино люблю, я как *они* не могу водку и пиво мешать, или самогон их шотландский пить.

– Не все ли равно, как себя разрушать?

– Видимо, есть какая-то осознанная эстетика. С каждым глотком, с каждой нотой мы... *исчезаем*. Лично мне важно, как именно.

Майя подобралась. С интересом посмотрела на Федора.

– Послушал?

Федор кивнул. Незаметно забрал из рук девушки «Рислинг». Увидел себя и ее в отражении огромного зеркала: Майя напоминала соляной столб, ветхозаветную жену Лота, обернувшуюся вопреки ангельскому наказу. Что представлял из себя его собственный двойник, Федор понять не смог. «Дурак дураком. Притворяюсь: как будто бы, кем-то, жду здесь чего-то... Чего? Вдохновения? Озарений? Или я все-таки человек, ну, то есть – *мужчина*...»

– Я тебя видел сегодня на перекрестке. Ты меня в плечо еще стукнула. Знаешь, что я подумал?

---

²⁸ Бэк-вокал – песенное исполнение, сопровождающее основную вокальную партию.

– Про меня? Типа: что за дура в такую погоду так вырядилась? И какого черта лупит мою дорогую гитару – да?

– Не совсем. Да и гитара дешевая. Я подумал, что ты на шаг впереди обыденности. Что ты муза постиндустриальной эпохи.

Лицо девушки вытянулось от восторга. В фиолетовом свете радужки глаз инферально сверкнули. Майя задумчиво протянула:

– Так про меня никто еще не говорил... Очень странно ты мыслишь. Музы – это такие страшные тетки, которые заставляли всяких героев улаживать себя под древнегреческий рок-н-ролл?

– Да, они, – улыбнулся Сапрыкин. Ему улыбнулись в ответ: девушка и собственное отражение в зеркале.

– Но я-то не страшная и тебя улаживать не собираюсь, – подмигнула Майя, протягивая руку за бутылкой.

– Еще чего не хватало. Я и сам могу себя улажить.

Майя прыснула со смеху. Черная ткань закачалась.

– Не лучшее заявление, знаешь ли. Не стыдно?

– Ты вообще передо мною голой крутилась.

– Так мне-то стыдно было. Я *приличная* девушка. Но это ради науки. Психология, кстати, – наука? Скажи мне, психолог. Или как там тебя, педагог...

– Я просто студент. Но вопрос, конечно, хороший. Наука? Официально там, ну по всем правилам – да, наука. Учение о душе. Скучное и поверхностное. Натаскивают мыслить тестами, терминами и шаблонами. Но разве можно душу измерить? Чтобы именно по линейке или циркулем? Чувшь получится, я считаю. То есть такая получится чувшь, как бы приемлемая для науки, пусть с погрешностями, но удобная; но ведь найдется что-то необъяснимое, ломающее систему сухих ожиданий...

– Все объяснить большим членом и мамкиной грудью не выйдет?

– На Фрейда сейчас намекаешь?

Майя пожала плечами.

– Наверное. В извращениях не разбираюсь.

– Ну, там же не только про *это*. Сновидения, коллективное бессознательное...

– ...Либи́до как бессмертие человека и Троица в образе мужских гениталий? Архетипы, Эго и Супер-Эго; «Оно», – ты боишься свою темную сторону? Ты на краю, ты видишь свое отражение, а рядом пьяная дура, сообщившая тебе накануне нечто странное о себе. Зачем ты пришел к ней? Не хочешь страдать угрызениями совести, если дура не пошутила – мол, ты пытался? Хочешь снять с себя чувство ответственности, которое сам на себя и повесил? Хочешь с ней переспать, ведь она намекнула? С без пяти минут *всеми потерянной* переспать – *хочешь?*

Девушка не сводила глаз с парня. Глаза ее улыбались.

– Ну что ты молчишь? Дай-ка выпить...

Он протянул ей бутылку. Почувствовал тепло ее пальцев. «Надо что-то сказать. Что-то реальное...»

– Психология, *скорее всего*, наука...

– Бесплезная болтовня, – ухмыльнулась вдруг злобно девушка. – Психология лишь пытается причесать выбившийся из локонов волосок. А надо-то сбрить все к чертям! Психологии не одолеть *личность*. Личность – категория из искусства, я как муза тебе говорю. Ты ведь больше поэт, чем психолог, я это сразу в тебе распознала. Ты вдохновляться пришел, я-то знаю. А скажи-ка: *такое* тебя вдохновляет? Это метафора или метод?..

Майя отпила вина, но не проглотила. Качнулась к Федору: губы прикоснулись к губам. Федор, ошеломленный, застыл. Серо-зеленый взгляд приказывал подчиниться. Губы его приоткрылись, и тут же в рот прыснула терпкая кисловатая жидкость.

– Проглоти!..

– М?..

– Вино проглоти. Вот так. Молодец. Учти, озабоченный Фрейд: это не поцелуй. Это метафора, это искусство. Я на шаг впереди – сам же сказал. Чувствуешь психологию?

Федор зажмурился. Он действительно что-то чувствовал: мрачную эйфорию и... страх.

– Так ты *хочешь*? Скажи честно, Федор.

– Я хочу, чтобы ты рассказала... что-нибудь о себе...

– О себе? Ты из этих, которым важно узнать подноготную, как Том гребаный Круз из «Ванильного неба»?..²⁹

– Я не смотрел. Мне просто...

– Люблю этот фильм. Пенелопа *исчезла*, а он и не понял, бедняга. Ты посмотри. Так что тебе – *просто*?..

Федор сжал губы, ощущая терпкую влагу. Сказал:

– Мне *просто* интересно узнать, какая ты. Что тебе нравится, ну, такое. Расскажи хоть немного. Где учишься?

– А *зачем*? Думаешь, узнаешь получше – и что? Хотел бы со мной встречаться? Так ты опоздал: я уже крепко решила. Все готово, все *по науке* будет.

– Майя. Майя, послушай...

Федор вдруг понял, что совсем ничего не понимает. Он почувствовал себя слабым, подавленным. «Она права: я хочу снять ответственность, которую сам на себя и повесил. Она учуяла просто: вот дурак, которому не все равно. Мне ведь действительно не все равно. Даже если она играет со мной почему-то; у этой игры существует причина».

– Время ведь еще есть. Можно... можно я тебя обниму?

Отражение трепыхнулось. Соляной столб сдвинулся к изголовью. Замер, врос в покрывало.

– Уже нет.

– Нельзя обнять?

– Можно. Но времени *уже нет*...

Обнаженные ступни белели у самых рук Федора.

– Ползи ко мне через *новое время*. Ползи, как веревка. Петлею меня обними. Ну, ползи сквозь подавленность к самому сокровенному...

Нога легонько ударила парня под ребра. Он встал с кровати.

– Не *подходи* ко мне – ПОЛЗИ! Как психолог ползи, как поэт.

«Издавается. Песню мою припомнила...» Федор упал на живот и пополз – короткими, дергаными судорогами. Покрывало изошлось складками. Федора уже ждали.

– Ну обнимай, раз дополз.

Он подчинился. Майя прильнула к нему.

«Странное чувство. *Забывтое*, никогда не испытанное...» В груди защемило. «Что это – жалость? Кого же мне жалко? Ее? Или нас?»

– Выпей со мной.

Он сделал глоток. Ощутил запах вербены. Откуда-то нагнетала, тянулась к ним *жить*, вызывая в Федоре оголенное, необъяснимое чувство. Он ощущал тепло ее тела сквозь тонкую ткань.

---

²⁹ «Ванильное небо» – американский фильм 2001 года режиссера Кэмерона Кроу. Мелодрама, ремейк фильма Алехандро Аменабара «Открой глаза» (1997). В главных ролях снялись Том Круз и Пенелопа Крус.

– Ты чего так стараешься? Тебе-то не все равно? Если *хочешь*, так давай уже, начинай. Потом представляешь, сколько песен напишешь? От угрызения совести. Или цинизма – смотря, чего в тебе больше. А как еще? Искусство ведь требует жертв.

– Перестань. Ну что за глупости, в самом деле...

– У тебя на лбу все написано. А ты попросту в благородство играешь. Я тебе два крючка вечных закинула: Эроса³⁰ и Танатоса³¹. Ты пришел защитить от Танатоса, но Эрос всегда ведь сильнее. Как тебе такое, психолог?

Федор похолодел. Так о себе он прежде не думал. «Нет, она ошибается. И... погоди-ка».

– Это Кирилл тебя надоумил всю эту чушь говорить?

– Это не чушь. И при чем здесь Кирилл?

– Ну, он же позвал тебя со мной познакомиться, да?

Девушка усмехнулась. Взяла из рук Федора «Рислинг».

– Кирилл про тебя много чего рассказывал.

– Зачем?

Она снова выпила: Федор увидел катящуюся по плавному подбородку каплю. Он с трудом поборол в себе желание слизнуть эту прозрачную искорку.

– Я ему надоела. Он сказал: «Хочешь всей этой болтовни, внимания и прочей девчачьей блажи, обратись к Федьке. Он девственник и психолог». Ты девственник, Федька?

Федор тяжело выдохнул. Ему стало отчего-то смешно.

– Там, где я учусь, противозаконно быть девственником.

– Так ты еще и преступник?

– Да с чего ты... а, все равно, думай, как хочешь. Так ты...

Майя неожиданно вдавила ногти в мякоть его ладони.

– «Все равно»? А ты знаешь, что такое «*Все равно*» по-настоящему? Я знаю. Моя мама знала. Это когда говоришь: «Мне больно» – и никому дела нет. Это когда кричишь от дикого ужаса, а никто и не слышит. Когда задыхаешься, а *они* дышать не дают. Когда пишешь лучшему другу, а друг *специально* разрядил телефон, чтобы сообщения от тебя не пришли. Выпей со мной. *Помяни*. А потом делай, что *хочешь*.

В уголках глаз Федора что-то щипнуло. Он ткнулся в шею Майи лицом. Ему до одури, вдруг, захотелось расплакаться и рассмеяться. Он забормотал – невнятно и тихо:

– Я обнимать тебя буду, пока не уснешь так со мной; ты никуда не исчезнешь; ты просто уснешь и проснешься, и все будет хорошо; Майя, Маечка, Майя, почему... почему ты такие ужасы *мне* говоришь?..

Эмоции сменяли друг друга с устрашающей скоростью: теперь сознание заполняло дрожащей тоской. Он подумал: «Все песни, вся моя лирика, музыка эта дурацкая не стоят совсем ничего в сравнении с живым человеком. Все, что я пытался внутри себя *вывести* – никчемную эту химеру, – просто насмешка из пустоты».

Ему будто ввели инъекцию жалости.

– Не все равно?

– Не все равно. Не уходи никуда, не надо.

Девушка сжала его руку.

– Тогда... Ты бы не мог раздеться?

Федор прерывисто, нервно вздохнул.

– Раздеться?..

---

³⁰ Эрос или Эрот – бог любви в древнегреческой мифологии, олицетворение любовного влечения.

³¹ Танатос – в древнегреческой мифологии олицетворение смерти, брат-близнец бога сна и сновидений Гипноса. Он единственный из богов, не любящий даров. Танатос чаще всего изображался крылатым юношей с погашенным факелом в руке или мечом, которым бог срезал прядь волос, высвобождая душу из тела.

Она кивнула. Чуть откинула плед: белая кожа обтягивала ключицу – настойчиво и красиво.

– Нам нужно на равных быть. Это не страшно. Ты такой, какой есть, и я – вот такая. Будем на равных?

Парень нашел губами край стеклянного горлышка, опрокинул в себя добрую порцию. Запах вербены защипал нос.

– Хочешь, чтобы я снял одежду?

Майя кивнула еще раз.

– Пожалуйста. Это совсем не *про то*. Понимаешь? Я хочу, чтоб мы в раю были – как Ева и как Адам. Ничего лишнего – только идея, незамутненная выбором...

«Идея? В раю?..»

– Я... Погоди... Ладно...

«Ненормальная. Ненормальная...»

Жарко выдохнув, Федор рывком снял через голову свитер. Бросил на пол под зеркало. «Я куда-то попал не туда, я что-то не так понимаю... Идея, незамутненная выбором?..»

– Теперь джинсы. Давай, не стесняйся.

Федор мучительно улыбнулся.

– Майя...

– Что?

– Ты меня... соблазняешь так, проверяешь? Что происходит?..

– Джинсы, Федор. Давай...

Он, как в бреду, нащупал ширинку, ремень. Джинсы сползли унылыми складками, чуть слышно упали на пол. Майя ухватилась за резинку трусов, потянула: Федор обмер. Показалась сокровенная часть его плоти – жалкая и беспомощная.

– Соблазняю на разговор двух равных людей.

Белье соскользнуло до щиколоток.

– Дай руку. Ты чувствуешь? Я живая. Жизнь в моем теле, но тело не значит вообще ничего.

Рука Федора оказалась под пледом, на упругом девичьем животе. И снова Федора затопило щемящей жалостью; и чем-то еще: горячим и липким; обжигающе, навязчиво липким; и гадким...

– Ты и *вправду* не хочешь меня...

Майя выразительно взглянула на его пах. Федор почувствовал стыд, какой-то особенный, мужской стыд. Он взялся за покрывало и кое-как прикрыл им низ собственного живота.

– Ты сказала, чтоб ничего лишнего... Вот я и стараюсь.

– Это не лишнее. Если у тебя на меня встанет, это совершенно естественно. А ты, подавляя себя, ставишь нас перед выбором: считать ли эрекцию чем-то аморальным и неуместным или нет.

– Я не думаю, что это уместно...

– Не хочешь, вот и уместно. А я-то тебя хочу? Ну, спроси, как ты думаешь?

– Не спрошу...

– Чтoб не терять надежду? Я тебе сама скажу: *не хочу*.

Федор пристально посмотрел Майе в глаза.

– Но при этом старательно соблазняешь...

– Проверяю, не *нарцисс* ли ты, – серьезно сказала она. Потянула в сторону покрывало: Федор отпустил край. – Тот самый высокомерный придурок, который всех отвергал; прямо как ты в своей песне. Помнишь, что с ним случилось в итоге?

Федор старался смотреть только в близкие сейчас зрачки Майи. Он ощущал, как кровь, подогретая вином и теплом ее тела, ускорила ток внизу живота. «Надо просто с ней разговаривать. И тогда плоть проиграет разуму».

– Если ты про мифического Нарцисса, то он влюбился в себя самого и погиб, глядя в свое отражение, кажется.

– Не просто влюбился. Это было проклятием, наказанием Немезиды³² за то, на какие страдания он обрек Эхо.

– Эхо?

– Эхо, – повторила Майя и улыбнулась. – Эхо, глупая нимфа, настолько расстроилась отказом Нарцисса на предложение ее *немножечко полюбить*, что стала таять и усыхать. От нее остался лишь голос. Но я считаю, что так ей и надо.

– Почему?

– Кара за то, что помогала Зевсу блудить. Каждый раз, когда похотливый бог кого-нибудь решал *немножечко полюбить*, нимфа отвлекала его жену Геру своей болтовней. Та, наконец, поняла, что девчонка прикрывает похождения мужа, обиделась и наградила глупую нимфу сомнительной способностью повторять лишь чужие слова.

– А зачем Эхо так делала?

– Не знаю. Что-то по Фрейду, наверное. Комплекс какой-нибудь или скучно ей было – что с нимфы взять?

Они молча выпили по глотку.

– Эй, – позвала Майя. – Хочешь еще метафорического вдохновения?

Федор вновь прислушался к ощущениям тела. Там становилось теплее. «А может, просто уйти? Нет, уходить... мне не хочется уходить...» Он как можно равнодушнее согласился:

– Ну... давай.

– Если сбереешь себе все *вот здесь*, это будет капец какая победа искусства над психологией.

Федор округлил глаза. Промямлил:

– Это уже не метафора, это какая-то грубая...

– Ой, да заткнись. Спасибо мне еще скажешь. Ты ведь поэт – не животное. Займись этим сейчас же. В ванной моя старая бритва лежит под раковиной, Кирилл выкинуть не додумался.

– Шутишь?.. – вяло спросил Сапрыкин. – Не буду я ничего...

– Я бы могла долго и нудно объяснять причину такой странной просьбы. Но знаешь – просто сбрей этот мех. Рудимент, мешающий здоровой эстетике. Тебе ведь нравится, как у меня?

Федор обреченно кивнул. Вдруг сказал: «А Кирилл...», и умолк – на лице Майи возникла гримаса смешливого отвращения.

– Плед мой возьми. Я закроюсь; куда без тебя не уйду – не уйду, если *сделаешь*. Как в «Терминаторе»³³ постучись, я открою.

«Она не шутит? И что – я пойду сейчас и...»

– В каком еще терминаторе?..

– Ну ты чего; вот так постучи.

Девушка выбила кулаком по изголовью тревожную рваную дробь. Федор пошевелился. Отражение в зеркале тоже пришло в движение: парень поднялся с кровати. Майя скользнула под покрывало, протянула Федору плед. Он удрученно ей улыбнулся, укрыл себя черным коконом.

– Так и что? Как, по-твоему – я Нарцисс?

---

³² Немезида – в древнегреческой мифологии богиня возмездия.

³³ «Терминатор» – американский научно-фантастический боевик 1984 года режиссера Джеймса Кэмерона.

– А я – Эхо? – Майя резко откинула покрывало. Федор замер, пытаясь понять, что же видит, осознавая, заливаясь под пледом потом стыда. Отвернулся от девушки и сразу же увидел ее отражение: Майя беззвучно смеялась. Почувствовал разом злость и небывалое возбуждение, медленно побрел к выходу. «Ненормальная. Или нормальная, а я идиот». Федор отпер замок, приоткрыл дверь и прислушался. «Уснули? Ну, поздравляю: теперь ты с ней *один на один*».

– погоди, – прошептала сзади она. – Подстриги заодно ногти. Вдруг тебе обе руки понадобятся для всяких интимных забав.

Он вышел, не оборачиваясь.

5

*You're lost little girl
You're lost little girl
You're lost, tell me who
Are you?³⁴*

«*The Doors*»
«*You're Lost Little Girl*»

«Ненормальная. Или нормальная? – снова подумалось Федору. – Но она ведь с Кириллом. Стоп. Стоп-стоп-стоп. Я что, готов ей поддаться, а останавливает меня лишь наличие брата в этой нелепой истории? Ну а что я, по-твоему, делаю? Поддаюсь: вот, *уже* брею пах по приказу сумасбродной нимфетки. И меня это, кажется, веселит. А что, это разве хоть сколько-нибудь грустно? Весь этот нарочитый разврат...»

Федор ополоснулся под душем, и теперь выполнял поручение Майи. Бритва действительно нашлась в шкафчике под раковиной.

«Хотел ведь просто убедиться, что девчонка – скучающий манипулятор, хотел заглушить ее импульс, а теперь уже и сам не понимаю себя. Ну то есть все *ясно*, но надо ли мне, в самом деле, *такое и таким образом*? Я помочь хочу или ищу странное наслаждение в этой абсурдной ночке?»

Лезвие скребло тонкую кожу. Под ногами бежала в сток горячая вода в мыльной взвеси. Здесь было тепло и влажно.

«Я просто поймал редкое состояние от смешения алкоголя, гормонов взбесившихся и накопившейся безысходности. Говорила мне мама – проверь щитовидную железу; то жалость давит, то смех, то не понимаю, что забыл там с ней, то бегу вот исполнять ее прихоти. Что с тобой, Федор? *Вдохновляешься*, сукин сын?»

Он оглядел собственный пах. «Господи, теперь это выглядит... Это выглядит как...» Он не мог осознать ощущение и облечь его в слово. Понял вдруг: «Как то, что понравится Майке». Провел пальцем по коже. Нахмурившись, направил струю воды, смывая мыльную пену. «Выглядит больше, внушительнее...» На лице застыла гримаса неизвестной доселе эмоции; Федор стремительно осознал природу нового чувства. «Вот и Нарцисс объявился». Тряхнул головой, посмотрел в сторону спальни. «Что ж, пусть она будет Эхом. Но не трогай ее, что бы она ни сказала. Не смей трогать, не прикасайся к чертовой нимфе...» Положил бритву на место и увидел щипчики для ногтей. Глянул на пальцы правой руки и вздрогнул от странной, будто бы не своей мысли: «А выскабливать-то потом чем будем?»

Что-то бубнил телевизор и неярко горел свет над плитой. Кирилл и Андрей храпели: Андрей на полу, Кирилл – скукожившись на диване. «Представляю, как у вас головы завтра отвалятся от похмелья». Федор держал в руках коробку апельсинового сока и два стеклянных стакана. Плед норовил соскользнуть с плеч. Федор простучал дробью, и дверь сразу же отворилась: мелькнула укутанная в покрывало фигурка. Он не сразу скользнул в фиолетовый полумрак, дождался, пока фигурка не займет свое место посередине кровати. «В *этом раз* будет не так все нелепо: я взбодрился, я, кажется, ее понял. Но уходить от нее мне *нельзя*. Есть такие – приглушат нормальностью бдительность, а потом выкинут что-нибудь идиотское... Хотя нормально ли просить незнакомого парня раздеться и сбрызнуть себе всякое?» Федор моргнул. «И нормально ли исполнять подобные просьбы?»

---

³⁴ (англ.) – Ты заблудилась, девочка, Ты заблудилась, девочка, Ты потерялась – скажи, Кто ты?..

– Закрой дверь.

Федор запер их в спальне.

– Ты чего там так долго?

Он снова моргнул, решаясь, и дал пледу соскользнуть на пол. Девушка выразительно уставилась на обнаженного парня и прыснула со смеху.

– Аха-ха, ну даешь!

Федор опешил. Прикрыл низ живота коробкой.

– И росомаху начисто срезал!

– Ты ведь сама мне сказала...

– Я-то сказала, а сделал ты сам. Ну покажи, чего ты, раз сделал! Нет, все покажи, уברי руку. Хм... А так будто бы больше.

Сапрыкин вспыхнул – лицо плавилось от стыда.

– Представляешь, какой монстр будет, когда...

– Перестань, пожалуйста, Майя, а то я уйду!..

– А говорил, что не все равно. Уходи, если хочешь. Уйдешь?

Федор подобрал плед, снова закутался. Посмотрел в зеркало. Там замерло отражение: двойник с вожделием и тоской буравил взглядом белую плоть – покрывало на девичьей спине треснуло, разошлось, свисая с плеч, в стороны. Сладостно колыхнулось в паху. «Да не пялся ты так!»

– Не уйду...

Он отвернулся, подошел к задернутой шторе.

– Ты куда? Чего там задумал?

– «Отвертку» сделать хочу. Будешь?

«От водки уснешь, как младенец. Утро вечера мудренее». Федор застыл у окна.

– Напоить меня хочешь? Это Кириллово пойло.

– Да ну, ты чего; не хочешь – не пей, конечно. А Кирилл не обеднеет. Куда им там, в офисе, столько?

Он нащупал картонное ушко, потянул, надрывая. Вытащил бутылку за горлышко. «Теплая. Вот же гадость. *Эти* на виски весь лед извели. Сок вроде бы немного холодный». Обернулся и улыбнулся Майе. Индиговое сейчас каре ослепляло.

– Кирилл тебе не сказал?

– О чем?

Мягко запахло цитрусом, и тошнотворно – этанолом.

– Это не для офиса водка. Что замер, и мне налей.

– Не для офиса? А для чего? – Федор вдруг вспомнил давешний разговор с хозяином магазина.

– Кирилл отчиму моему платит – водкой.

Федор присел на край кровати, протянул Майе «отвертку». Она сделала долгий глоток. На губах запестрели густые желтые капли. Майя с отвращением фыркнула. Рука со стаканом скрылась под покрывалом; ткань пошла складками, плечо оголилось.

– Платит *водкой*? За что?

– За то, чтобы отстал. Кирилл ведь меня в рабстве держит. Ну, я у него вроде наложницы. И он каждую неделю дает отчиму пару бутылок – чтоб не трепался. Такой вот расклад.

Федор поперхнулся напитком. По-новому взглянул на бутылку, лежащую на кровати. Во рту сделалось горько.

– Да не парься ты, *теперь* все в порядке, – засмеялась девчонка, отпивая еще из стакана. «Врет она, что ли? Опять издевается». Точно подслушав мысли Федора, Майя серьезно сказала:

– Майка-алкоголичка; не падчерица, а мечта.

В уголке глаза неприятно кольнуло – Федор поморщился.

– А о чем тут трепаться?..

Девушка обнажила зубы. Это была не улыбка – бередящий душу оскал. Голос ее стал ниже. Всегдашняя насмешка пропала.

– А ты у Кирилла спроси – о чем. Еще нальешь?

Она протянула стакан. Ткнула ногтем в большой палец Федора. Федор снова поморщился – как от слабой, навязчивой боли. Взял стакан, молча смешал водку с соком. Майя с вызовом наблюдала. Глаза ее покраснели, веки набрякли усталостью. Федор почувствовал давешнюю жуть. «Это ведь от нее жутью веет; обнаженная, сердечная жуть...»

– Что, неприятно стало со мной тут валяться? Майка-алкоголичка: про рай задвигала, потом письку побрить заставила, и вон оно что оказалось. Или *наоборот* – приободрился, поэт, в предвкушении? Похожа я на подстилку доступную?

Федор коротко мотнул головой. Пальцы крепко вжались в грани стакана. Под мышками сделалось влажно и горячо.

– Не понимаю. Зачем же ты с ним встречаешься?..

– А мы уже *все*. Он меня бросил, даже *за тем самым* совсем не зовет. Месяц назад еще мог: равнодушненько так поелозит, как будто мной пыль протирает – и до свидания. Теперь нет. Он просто устал от меня; ну и ладно.

Она отвернулась, глянула на отражения. Федор залпом выпил «отвертку», которую делал для Майи – не морщась, не чувствуя вкуса, – и бездумно потянулся за водкой. «А *кто* же с ним был сейчас, ну, то есть, когда я вернулся... Не *она* разве?» Он не решился спросить. «Да что я здесь, черт возьми, делаю...»

– Ты из моего стакана пьешь, – хихикнула пьяно Майя. Увидела вдруг выражение лица Федора в зеркале. – Ты чего? Ну, не злись, Федька... Я дурная, я знаю. Ерунду тебе эту рассказываю. Просто мне очень плохо. Потерпи меня до утра.

«Вот, опять. Опять мною крутит. Карусели-качели дурацкие. Я ведь не пойду будить Кирию, чтобы расспросить его о... Да ну, она врет мне, конечно. Я сам виноват; Эрос, Танатос; вот черт...»

– Ты обещала... если сделаю эту *дичь*, – он кивнул на низ своего живота, – то никуда не уйдешь. Обещала мне рассказать.

– Что рассказать?.. – утомленно спросила Майя. Она поставила стакан на кровать и обхватила себя руками, все глядя на зеркальную гладь. Покрывало поползло вниз. Девушка млела в истоме. «Водка пошла куда надо. Скоро, надеюсь, уснет. Глупая, дурная девчонка... брошенная моим братом». Федор чуть улыбнулся:

– Почему ты такая дурная...

Она отвернулась от зеркала и посмотрела на Федора долгим и странным взглядом. Ухватила за плед, потянула парня к себе. Едва не выронив стакан из руки, Сапрыкин перебрался неловко с края кровати в центр. На миг он увидел себя в отражении: неизвестный герой «Илиады»³⁵ в окровавленной тоге. И еще вдруг увидел женские ягодицы, талию, спину...

«Муза обнажена...»

– Федя...

Он вздрогнул от звука голоса. Майя отпила из стакана и подмигнула ему: он понял и подчинился. Снова жидкость впрыснули в рот: он с благоговением проглотил. Эта «забава» вновь вызвала в нем эйфорию и неясный, тянущий, как боль в зубе, страх.

– Это метафора? – прошептал Федор. – Не поцелуй?

---

³⁵ «Илиада» – древнейший из сохранившихся памятников древнегреческой литературы, эпическая поэма, приписываемая Гомеру, посвященная событиям Троянской войны. В ее основу, судя по всему, легли фольклорные сказания о подвигах древних героев. Считается первой трагедией.

Майя кивнула.

– Разве *так* люди целуются? И помни: я тебя не хочу. Не придумывай себе ничего.

«Твои поступки говорят об обратном. Ты и пахнешь совсем по-другому. Вербена все та же, но есть что-то новое... Водка и апельсин? Нет... Это... Это только мужчина почувствует». Майя вновь глянула в зеркало. Взгляды их встретились – там, в отражении. Губы девушки шевелились.

– Я в одной книжке прочла, хорошенько запомнила: «Зеркала и совокупления отвратительны, ибо они умножают количество людей». Чушь какая-то, гадость. Но... Когда мы тут... с твоим братом были... Я вот так же смотрела, как сейчас с тобой. Как он меня трахает. А он не видел. Ему все равно было. Он не человек – агрегат для случки какой-то. Отвратительный. А я смотрю, глаз не могу отвести – от себя. Какая я в эти минуты красивая. Словно бы в другом мире, и там я лучше, чем здесь – пусть даже и с ним. Однажды себе подмигнула. Но *там*... не ответили. Представляешь? Так это странно было...

Федор молчал. Ничего не требовалось говорить.

– Я думала, ты зануда. А ты взял и вон чего выкинул...

Федор обомлел: рука Майи проникла под плед и провела ногтем линию по свежесвыбранной коже.

– Колется? Нет? Скоро будет. Гладенький, гладить приятно...

– Майя, ты...

Она засмеялась: совсем незаметно.

– Да не бойся ты, глупый. Просто захотелось почувствовать; мы теперь вправду на равных. Без дурацкого выбора, как в раю. Теперь я могу тебе рассказать, почему я *такая дурная*. Девушка ткнулась ему носом в щеку. Закрыла глаза и резко отвела руку.

– Только... А ты правда девственник? Мигни, если да.

Он замер, как истукан. Она улыбнулась:

– Я ведь не вижу. А девушка есть?

– Нет...

– У меня тоже, – хихикнула Майя. – Да убери ты...

Она потянула за плед, отбросила в сторону. Федор прислонил стакан к паху. Майя открыла глаза.

– Ну чего я там не видала? Дай-ка глоточек.

Она вдруг наклонилась перед ним низко-низко; губы коснулись стекла. Покрывало соскользнуло с груди. Он отвел взгляд, взгляд вперился в отражение: от увиденного в зеркале зрелища Федор плотнее вжал грани стакана в собственную плоть.

– Ну наклони, неудобно.

Он подчинился. Девушка втянула губами напиток, поднялась и вновь позвала взглядом. Она не обращала внимания на свою наготу. «Почему я ей подчиняюсь... Почему не могу уйти?» Он ощутил на мгновение ее шершавый язык.

– Кирилл такое не любит. Он говорит, у меня не все дома... Ну да, это чистая правда.

А Кирилл скучный, как сын папы Карло.

Федор нервно, обреченно хихикнул. Разлепил кисло-горькие губы:

– Так ведь и я от того же отца.

– Совсем от другого – *я чувствую*. Залезем под одеяло?

Он бездумно кивнул.

Они лежали под легким и мягким укрытием из пуха и перьев. Между ними была горячая пустота – расстояние в полруки.

– Обними меня. Прижмись крепче.

«Главное – не смей ее *трогать*. Пусть *ничего* не случится...»

– Выключить свет?

Он выдохнул: «Нет». Подумал: «В темноте будет не страшно. Если свет, тогда есть надежда на то, что я ни на что не решусь».

– Хочешь все видеть в зеркале?

Он чувствовал ее тело. Чувствовал ее запах.

– Но тебе *ничего тут не светит*...

Она положила ладонь ему на живот. Он судорожно вздохнул. Ладонь была сухой и горячей.

– Ну, прекрати. Ты меня обижаешь. Когда я так делаю, я... я, как кошка. Ты знал, если кошка кусает – это значит, что она доверяется человеку. Признает равным.

– Не знал...

– Ну так вот – я тебе доверяюсь. Мяу и все такое...

Майя укусила его за губу. Серо-зеленые глаза девушки сонно блестели. Фыркнув, она сказала:

– А хочешь правду? Я залетела.

– Что? От кого?!

В панике Федор чуть не вскочил с кровати. Рука Майи вжалась в живот сильнее: ногти впились в гладкую кожу.

– Тише ты, дурачок. Аха-ха, успокойся; ну не от Деда Мороза же! От кого – угадай...

– Да откуда я знаю, – прошептал Федор, зажмурился. «Это уже не смешно. Надо встать, надо одеться, валить домой к чертовой матери!..»

– *От тебя*, – разобрал он сквозь девичий смех. – Ты что, не помнишь, напился?

– Я... Что ты...

Федор тряхнул головой. «Тихо. Спокойно. Спокойно...» Открыл глаза. Увидел ее – совсем близко.

– Да от брата твоего залетела. Разочарован? Шокирован? А чего еще ожидать? Не любит Кирилл безопасность. Полтора месяца уже пузико глажу. Что? Что ты так смотришь-то?

«А как мне еще смотреть?» Федор нервно вздохнул.

– Тогда зачем...

– Что?

– Зачем же ты пьешь... Зачем ты мне... *предлагаешь*...

– Не предлагаю я ничего! – ощерилась Майя. И снова впила ногтями в живот. Федор ощутил боль. «Врешь. Врешь ты мне все, *проверяешь*. Почему же ты такая дурная?.. Пстойка».

– А Кирилл знает?

– Вот ты ему и расскажешь.

Федор опешил. Ему сделалось вдруг смешно.

– Ну да, да. Скажу ему: мы тут с Майей голыми обнимались – кстати, в твоей постели, – так вот, она просила тебе передать...

Майя с ненавистью прошипела:

– Да почему ты нюня такая? Не научили, как с девками надо?

В словах сквозил злой цинизм.

– Ты ведь не веришь совсем, я же вижу. Ну давай, скажи, какая я на всю голову долбанутая. Давай, пройдишь по мне катком Фрейда. Мог бы пройтишь сам по мне – своей бритой штукой! – так нет, лежит с голой девкой и строит из себя недотрогу! Ты на лоджии *притворился* нормальным?

Федор побледнел, уставился на девчонку. Черты лица ее плавилась от неизвестного Федору чувства. Прошипев злую тираду, Майя ткнулась лбом ему в шею. Обняла, запустила в волосы пальцы. Федор хотел отпрянуть, но не смог сдвинуться с места.

– Ну извини, – разобрал он. – Я просто так не могу. Я терпеть обман не умею. Ты ведь врешь мне весь вечер! Бесишь...

– Да о чем же я вру?..

– О том, что *не хочешь*. Ты должен лежать со мной так, чтоб одеяло топорщилось. Чтобы я слышала скрип твоих грязных мыслей. А ты растекся тут с этим лживым вяленным баклажаном!..

– Ты же беременна от моего брата... – Федор почувствовал беспомощное отупение – как если бы его тянули во все стороны сто бесов одновременно. «Да что я такое несу; я вовсе не...»

– *Это* тебе мешает? Ненавижу тебя! Ненавижу!

– Да за что?..

– Ты *позволил* ему! Где ты шляется?!

Майя заплакала, кажется – а может быть, засмеялась.

– Он не сюсюкал и не слушал про Фрейдера!.. Он у меня первый был, и последний; ублюдок, похотливая жаба!..

– Он... Он что, *заставлял в самом деле*?

– Нет. Я сама захотела. Он мне нравился – такой смазливый и наглый. Я тут пряталась, могла что угодно делать – он все разрешал. Могла в приставку играть, могла целый день ногти красить, и жрать что угодно могла, орать караоке хоть ночью – он разрешал. А мне нельзя так... я... мне *запрещать* нужно. Если все можно, я гремлином становлюсь...

– Кем становишься?

Она подняла заплаканное лицо и с удивлением и досадой взглянула на Федора. Веки припухли и покраснели.

– Ну, гремлином. Ты что, фильм³⁶ не смотрел? Такой пушистый засранец, миленький и забавный, которого если водой помочить и после полуночи накормить, превращается в кучу проблем. Так вот, я – как тот долбаный греmlin. Мне если можно все, я на шею сажусь и катаюсь. И начинаю благодетеля своего *презирать*. До тошноты, отвращения. И мне хочется, чтобы случилось *что-нибудь нехорошее* – с благодетелем этим непрошенным. А случилось со мной, тупой душой!..

Федор молчал. Майя вдруг щелкнула пальцами.

– Раз! – и меня подсадили на праздность, два – и мне молодость исказили – вот так! – она щелкнула еще раз. – Меня учили знать себе цену, а не барахтаться в сладкой вате – вот дура, вот идиотка я! Кирилл мне все на блюде давал: еду, выпивку, косметику дорогую. А взамен просто трахал – как куклу. А потом взял и выкинул, когда понял, что *ничего не получится*. Противно мне, гадко так, я себя ненавижу; поверила этой гадине; мне так хочется, чтобы мама вернулась, чтобы спасла, забрала меня; спаси меня, Федя, пожалуйста...

– От Кирилла спасти?..

– От себя. Я *придумала* себе, понимаешь? Я ведь правда... я все приготовила. На чердаке – там, наверху. Я просто возьму и исчезну. Это мой *выход*. Я... Я не хочу так; он выбросил... ни за что... из *нормальности выскоблил*... Оставил один на один.

Майя захлебнулась: то ли воздухом, то ли слезами. Упала головой на грудь Федору – он с тоской вдохнул запах коротких светлых волос. Осторожно обнял ее:

– Так он знает?..

– Ни черта он не знает!..

– А отчим...

Майя дернулась. Прошипела:

– А отчим пялится, извращенец.

Федор ощутил горечь во рту.

---

³⁶ «Гремлены» – американский комедийный фильм ужасов 1984 года, снятый режиссером Джо Данте.

- Он к тебе пристаёт?..
- Он бы мог.
- Ты его... провоцируешь как-нибудь?

Майя подняла голову. Утерлась, озлобленно хмыкнула. По лицу размазались слезы.

– Провоцирую? *Как-нибудь?* Я девка с жопой и сиськами, этого, по-моему, более чем достаточно.

Федор виновато поник. «Зачем я это спросил. Вот придурок». Девушка повторила с сарказмом:

- Провоцирую... Ну, психолог – вот это накинул ответственность жертве!..
- Майя... Прости, я запутался...

Майя посерьезнела. Сказала мрачно:

– У отчима вид такой... *сальный*. Он по маме скучает, я знаю. А я капец как на мамку похожа. Они встретились три года назад. Она за него сразу и выскочила. У них прям любовь была, настоящая. Он ее на руках носил; квартиру купил эту чертову...

- А где твой родной отец?
- Не твое дело.

Федор согласно кивнул. В сознании родилось что-то странное, дерзкое, *ненормальное*, и он произнес нерешительно:

- Хочешь... хочешь, у меня поживи? Ты только не смейся...

Он умолк, а Майя подняла взгляд: язвительный и глумящийся. Спросила – в голосе сквозила насмешка:

- Ты с мамой живешь?

Он снова кивнул. Он словно не замечал ее тона и выражения глаз.

- И ты меня к себе жить зовешь? Беременную, от Кирилла?
- Если хочешь...
- Ты пьяный, Федя?

Федор покачал головой. Дотронулся до живота, мягкого и горячего. Майя вздрогнула. Мышцы окаменели под кожей.

- А споешь колыбельную?
- Колыбельную?..

– Кукушка кукушонку купила капюшон, как в капюшоне кукушонок смешон...

А теперь...

Голос прерывисто дернулся. Сделался неуловимо иным.

- ...я все еще вызываю симпатию?

Он глупо ей улыбнулся, точно позабыв все слова, и она улыбнулась в ответ: мстительно и угрюмо.

6

*Улетела сказка вместе с детством,
Спрятавшись за чопорной ширмой.
Фея поспешила одеться.
Я страхиваю пепел в это небо...*

*...
Нет, теперь не то время!
Нет, теперь не то небо...*

**«Агата Кристи»
«Серое небо»**

«Я в черной тоге, муза обнажена...»

Федор Сапрыкин открыл глаза: полумрак, неясные очертания. Застоявшийся воздух щекотал горло. Пахло тяжело алкоголем и чем-то неуловимым: будто бы едкой специей. Федор ощутил свое тело – налитое тревожной усталостью, по-прежнему обнаженное.

– Майя?..

Никто не ответил, но он разобрал рядом дыхание. Подушечки пальцев дотронулись до мягкой горячей плоти. «Спит... Мы уснули. Сколько времени? Черт, телефон оставил на лоджии...» Фиолетовый свет не горел. Полумрак в спальне казался ненастоящим, придуманным. Федор сморщился, как от боли: виски сжало, пропуская в сознание дерганный блик. «Ох... Вот это похмелье... как от забытого сна. Мы... Что мы делали? Я шептал ей про эту кукушку; она так быстро уснула. Допил остатки „отвертки“, стаканы на пол поставил. Из кровати не вылезал. А кто тогда свет выключил?» Федор вздрогнул. «Кирилл заходил? Но ведь заперто. Сам, наверно, погас, а может, Майка проснулась и выключила. Да, скорее всего. Если я сейчас тихо оденусь...» Он разглядел девушку: она крепко спала. На по-детски припухшем лице застыло выражение безмятежности. Федор сдвинул край одеяла: глубокое дыхание медленно двигало девичью грудь. От пристального взгляда на линии полусфер, на круги темной плоти Федор почувствовал резь в глазах. И неприятное жжение в животе. А еще ниже – истому. Осторожно выбравшись из постели, он вновь укрыл девушку и увидел свое отражение – темное и неясное. Выбритый пах дрожал непривычно светлым пятном на молодом поджаром теле. «Мы просто спали в обнимку. Я ответственный, взрослый мальчик. Только надо еще раз поговорить обо всем. Если она просто игралась так... а я лезу не в свое дело... И если она... Господи, что у меня с лицом? Опухшее, злое какое-то. Это все водка. Водка – плохо...» Чей-то далекий голос прорезался неожиданно в памяти, и Федор разобрал гитарную партию: ясно, в подробностях, в «правом ухе». Ноты терли наждачкой внутри головы: он прислонился лбом к холодной поверхности зеркала. Теперь он различил бас. «Да что за черт?» Федор встал босиком на собственный свитер. Где-то рядом, здесь, на полу, должны были валяться джинсы, трусы и носки. Он прошептал тихо-тихо:

– Водка – плохо...³⁷

Зажмурился на мгновение и взглянул снова в зеркало: за близкой фигурой царил полумрак. И все пронизывал серебристыми нитями пульс – еле видно, как если бы Федор дорисовал себе это в сознании. Нехотя отвернулся от зеркала, собрал с пола одежду – на ощупь, сощурившись. «Во сколько сейчас светает? Часов в семь, должно быть; я, кажется, выспался, только с похмелья чувствую себя развалюхой. Почему темень такая? Так, ладно. Выхожу и, как ни в чем не бывало, иду в ванную. Звучит вроде несложно...» Он подмигнул отражению. «Похмелье от забытого сна... Тоже мне, лирика». Стараясь не производить шума, Сапрыкин

³⁷ Отсылка на песню «Водка – плохо» группы «Кирпичи».

оделся. Различил стакан на полу, второй. Затаился у двери, глядя исподлобья на укрытое одеялом очертание спящей девушки. Сдвинул защелку и вышел из спальни в густую тьму коридора, не осознав странный факт: отражение не подмигнуло в ответ.

Федор прикрыл за собой дверь, и тут же одновременно произошло несколько событий. Справа кто-то крикнул: «Там занято!», слева раздался звонок. После звонка послышалось какое-то скрежетание – так чихает большая собака, – и сразу же в косяк входной двери требовательно постучались. «Почему так темно?» – подумал Федор и зажмурился от яркого света: мимо прошагал старший брат. От распущенных длинных волос брат казался ему королем, выжившим в грандиозной средневековой попойке. Обрюзгшее, лоснящееся лицо его кривилось от раздражения. Федор посторонился, и Кирилл распахнул входную дверь: в прямоугольнике слабого света стоял кто-то высокий. Брат выключил фонарь в телефоне.

– Бля, мужик, *наконец-то!* *Выпустите* меня!

Повисло странное молчание. Федор узнал человека: это был вчерашний курьер. В санузле кто-то нервно закашлялся.

– Ты кто? Куда тебя выпустить? – спросил Сыролийский.

– Что случилось? – раздался сонный девичий голос, и Федор обернулся вполоборота и сразу увидел Майю. Девушка ткнула ему носом в щеку. Он вытаращил глаза: кажется, старший брат не заметил этот Майин этюд.

– Да парень вот хочет чего-то... Он нам вчера суши доставил.

Курьер разглядел Федора. Грубо, с напором сказал:

– Это ж ты меня на девятый отправил! Я там чуть, бля, не помер! Дверь мне откройте! Я такое про вас напишу, никто вам ничего не доставит больше!

– Так, дружище, ты можешь спокойно общаться? У меня башка сейчас лопнет. Чего ты орешь? Что случилось?

От спокойного тона Кирилла курьер съезился, как от стыда, посмотрел вправо и влево. Отступил на шаг в коридор. Кирилл постучал в темноту:

– Андрюха, быстрее рожай! Тут у всех надобность!

Раздалось пыхтение и глухое «Угу».

– Ну чего ты молчишь теперь? Федя, кто это? Ребята, я сдохну сейчас. Давайте уже интенсивнее...

– Это курьер.

Кажется, Кирилл разглядел Майю. Федор ждал от брата каких-нибудь слов, намеков и шуток, но Кирилл только дыхнул перегаром и пьяно им улыбнулся. Девушка отвернулась и пропала из вида. Послышался тихий щелчок замка. В ладонь Федору сунули теплый прямоугольник.

– Будь другом, кинь на зарядку. Я разберусь.

«Он то ли не понял еще, то ли все понял и знает, а теперь меня мучает...» – неясно подумал Федор и побрел вглубь темной квартиры. На кухне отвратительно пахло – сивухой и мужским кислым потом. Привычно шлепнул по клавише на стене: лампы под потолком не зажглись. «Электричества нет? Господи, ну и вонь. Проветрить бы...» Он сделал шаг вперед, задевая ногой тельце скорченной банки. Впереди чернел вход на лоджию. «Там же все в изоляции. Не открою. Ну и бардак». Сапрыкин включил на телефоне фонарик и гадливо поморщился. «Они все выпили, свиньи... Сколько времени?» Экран Кириллова телефона утверждал, что недавно минуло десять часов утра. Неопределенно хмыкнув, Федор заглянул на лоджию, сразу же различая на столе свой мобильный. Взгляд скользнул по закрытому ноутбуку. «Я ведь сессию сохранил? Да-да, сохранил и скинул на плеер, а плеер вот он, ну слава богу. Собраться и валить к чертовой матери. Номер Майки узнать...» Он почувствовал холодок на ключице и удивленно нахмурился. «Точно, иголочка. А что это с ней...» Оттянув ворот, он отстегнул

булавку. «Ржавчина. Она ржавая вся. Дешевка какая-то». Собрался было бросить на стол, передумал. «Ладно. Вдруг плеер опять заклинит. Есть-то она не просит». Сунул вещицу в карман джинсов и посветил фонарем в угол: там затаилась гитара в массивном чехле. «А, потом заберу. Неохота с горбом этим таскаться. Песен еще не записанных столько...» Федор пошел на слабый свет из прихожей. «Проверю розетки на всякий случай. Ага, вот зарядка... Не-а. Электричества нет. В коридоре, должно быть, аварийный горит. Курьер еще здесь, это даже и к лучшему. Только чего они так молчат, такие серьезные оба...»

Федор протянул брату мобильный.

– Света нет.

– Вот и наш друг говорит – света нет. Он всю ночь просидел в лифте, да? На девятом застрял, куда ты его так остроумно отправил. А теперь вот уйти почему-то не может. Ну, расскажи-ка еще, а то я с первого раза не понял.

В Кирилловом голосе сквозила ирония.

– Да чего там рассказывать – подъехал к девятому и встал наглухо. Я на часы посмотрел: было десять с копейками.

– Свет в это время был... – сказал Федор.

«Битва на Сомме, спальня в истоме. Пухлый Андрюша наострил уши». Мысль мелькнула и оборвалась. Федор недоуменно нахмурился. Он не мог связать мысль-воспоминание, этот дурацкий стишок, с чем-то конкретным – в настоящем или прошлом. Так теплый ветер тревожит собою кожу в особенно знойный день, дразнясь, притворяясь прохладой.

– У вас может и был. А я как в заднице там сидел, светил себе телефоном. Связи нет. С пульта звонил диспетчеру: что-то пищало, но никто так и не ответил.

– И чего?

– Да ничего. Уснул я там. В лифте тепло и даже уютно. Проснулся от того, что лифт трясет во все стороны. Это часов в пять утра было. Как-то, знаете, жутко стало.

– Жутко?

– Ну да. А вдруг трос оборвется? Я такие высоты на дух не переношу. По черным лестницам топаю или заказ внизу отдаю.

«То-то на девятый помчался...»

– Так лифт, получается, заработал без электричества?

Курьер лихорадочно выдохнул.

– Не-а. Не знаю. Я просто створки руками открыл. Встали аккурат между этажами: сверху плита, а внизу пространства – ровно чтобы по-пластунски кто-нибудь худой вылез. Как раз для меня: я худой, ну и пролез. Так там ведь еще внешние створки открыть надо было. А под лифтом шахта: лети – не хочу... Я, само собой, не хотел. Если б плюхнулся неудачно, тут бы сейчас не стоял; да я, сами видите, по росту как раз подхожу: руки вытянул и по стеночке сполз спокойно. Только сумка рабочая в лифте осталась, она огромная ведь, а там заказов – на весь вечер еще; попал я с заказами...

– Я пока лез, – чуть тише сказал курьер, – уже с жизнью сто раз распрощался: вдруг лифт поедет? Он, сукин сын, так скрипел...

Все значительно помолчали.

– Мне даже тогда показалось, – почти шепотом продолжил курьер, – что он стонал или плакал. Как баба, прикиньте?

– Лифт стонал?

– Лифт.

Прихожую залило тишиной. Тусклый свет придавал бежевым стенам коридора за спиной рассказчика еще более тоскливый вид, чем обычно. Федор тряхнул головой.

– Погоди. А чего ты к нам стал звонить-то?

– Он в дверь ногами бил, – хмуро уточнил Сыролийский. – У меня ни звонок, ни домофон не работает. А к нам: ну так мы же суши заказывали, значит и лифт *наша* ответственность. Такая логика у людей.

«Но я же слышал перед пинком отчетливо...»

– Так я тут никого больше не знаю, ну, то есть...

– Тебя как зовут?

– Юра. И Юра очень сильно хочет вернуть свою сумку и свалить из вашего дома. Мне такой штраф теперь влепят!

Федор вяло развел руками.

– Лифтеры скоро придут; ты консьержку ведь спрашивал?

– Какую еще консьержку?

– Вахтершу, внизу, – раздраженно сказал Кирилл, потирая пальцем левый висок. – Ну, тетка такая в подсобке. Снаружи смотрел? Она иногда вокруг дома ходит, Камю ищет под окнами...

– Да нет внизу никого, я ж говорю: не могу выйти.

– Как это? – не понял Сапрыкин.

– Ну так, молча – заперто. И черная лестница заперта.

– Так ведь если электричества нет...

– Ну?

– То магнитный замок не работает.

Все трое переглянулись. Кирилл болезненно сморщился.

– И что это значит? – не выдержал Юра. – Я открытую дверь, по-вашему, открыть не могу? Издеваетесь?!

Из туалета раздался шум: сработал слив унитаза. Дверь санузла отворилась, и в прихожую вышел Андрей Толоконников: с голым торсом, помятый. Его рыхлое тело бледно взрезало собой полумрак.

– А чего вы тут встали все?..

На него апатично взглянули – Толоконников покрылся красными пятнами. Неловко прикрываясь руками, он ретировался на кухню. Кажется, что-то задел – последовал глухой удар.

– Черт. Вы туда пока не ходите. Там... там света нет.

– Светом и здесь *не пахнет*, – огрызнулся негромко Кирилл.

– Так и чего? – оживился курьер. – Вы меня выпустите?

– Майя?..

Федор назвал имя в щелочку. Мягко простучал условленный ритм. Он хотел узнать номер ее телефона и незаметно уйти: брат спустился с курьером на первый этаж. В рассказе про закрытые двери Федору отчего-то не верилось. На кухне звякнула ложка: это Андрей залил горячей водой из-под крана кофейную кашницу с сахаром и теперь давился получившейся жижей.

Щелкнул замочек. Федору отворили и тут же потянули внутрь за руку; он успел прикрыть дверь ногой.

– Федя, смотри...

От скрытой тревоги в голосе, от того, как она обратилась к нему, Федор покрылся мурашками.

– А ты чего окно не откроешь? Темно, и запах... странный какой-то.

Он хотел сказать «вонь». Запах действительно изменился: неуловимая специя подгнила от влажности.

– Так в том-то и дело. Смотри!..

Майя провела Федора мимо кровати. Он с тоскливой истомой отметил, что кровать была идеально заправлена. «Если она врала... Если просто играла...» Он остановился и привлек Майю к себе. Ее личико наполнило собой мир. Он обнял ее за талию. Она обняла в ответ.

– Ну чего ты, чего, да смотри, говорю же...

– Ты со мною *уйдешь*?

Она ткнула ему носом в шею.

– Да. Да-да-да. Ты меня *забери*. И мы купим тебе капюшон. Это очень странная штука...

Сердце Федора застучало сильнее. Он не мог понять, что Майя ему сейчас говорит. Он пытался поймать обрывки *каких-то* воспоминаний. «Мне что-то снилось, жуткая неразбериха какая-то. Не могу вспомнить. Да снилось ли? Но ведь думаю почему-то, что мы во сне так придумали... Ну, то что мы теперь *вместе*. То есть не вместе, но она уйдет отсюда со мной, от Кирилла уйдет окончательно; *получается* – вместе, с тем, *что внутри*...»

– ...Я ее сдвинуть пыталась, а она ни в какую. Попробуешь?

Майя показывала на распахнутое настезь окно.

– Это чего такое?..

– Так а я что тебе говорю!

В пространстве меж рамой зиял черный квадрат. Он неуловимо поблескивал – точно весь был усыпан кристаллами соли.

– Что за Малевич³⁸...

Сапрыкин качнулся на месте, ощущая смятение.

– Ты чего?..

– погоди, – вспомнил он. – Я, кажется, знаю...

Отпустил Майю, шагнул вперед и сдвинул чуть занавеску, всматриваясь в черноту. Осторожно ткнул пальцем в подобие густого брезента: материал казался податливым, но, вопреки ожиданию, не прогнулся ни на миллиметр.

– Виниловое полотно, армированное полиэстеровой нитью... – процитировал он выдержку из вчерашней справки Андрея и подумал: «Ящер харкнул мазутом – древний и очень злой».

– И что это?

Федор повернулся к девушке. Она смотрела ему за спину: во взгляде читалось явное отвращение.

– Рекламная вывеска.

– Вывеска?

– Ну, вроде бы так... Мы вчера видели, как рабочие с крыши такую штукювину вниз опускают. Прямо на проходные балконы. Сказали, до пятого этажа...

Майя сморщила личико.

– Но мы-то ведь на четвертом. В жилой квартире. А если они и мои окна этим Малевичем закрыли?

– Ты на каком живешь?

– На седьмом... Тут окна во двор выходят, а мои на проспект; они же не могли с двух сторон все закрыть? Или могли?

– Майя...

Он смотрел на светлые волосы: в этой неестественной темноте они переливались серебристыми нитями – еле видно, как если бы Федор дорисовал себе это в сознании. «Ей такая прическа очень идет. Интересно, как ее образ изменится, когда волосы отрастут?»

– Да? Ну что ты так смотришь...

---

³⁸ Казимир Малевич (1879—1935 гг.) – российский и советский художник-авангардист, основоположник супрематизма.

«Отвечает без вчерашнего вызова в голосе... Мягко как-то и нежно. Не знаю... Не знаю, попробую. Если пошлет... Ладно».

Федор осторожно дотронулся до девичьего лица: пальцы накрыли щеки и скулы, вжались в линию подбородка ладони. Кожа была горячей и чуть шершавой; прикосновение вызвало тонкое чувство несовершенности; оно говорило ему: перед тобой *живой* человек – хрупкий: такой же, как ты.

Майя закрыла глаза. Подалась головой вперед.

– Вчера...

Майя вздрогнула: всем телом, от макушки до пяток.

– Ты сказала – уйдешь со мной. Перед сном мне сказала.

Она прошептала с глубоко затаившейся болью:

– Да, *уйду*...

– Это метафора или *буквально* уйдешь?..

Лицо ее дернулось – незаметной короткой судорогой. Майя распахнула глаза, рваным движением накрыла ладонями его руки. Глянула исподлобья: серо-зеленая радужка казалась пронзенной черными угольками. «Она то ли злится, то ли в экстазе... Как же быстро она может меняться».

– *Я уйду. Ты останешься.*

Федор непонимающе заморгал.

– Ты к себе сейчас пойдешь переодеться, а я тебя подожду, да? Тогда встретимся у магазина внизу. Какой у тебя номер?

Майя сморщилась.

– Что такое?

Она отвела от лица его руку, приложила под майку к теплому плоскому животу.

– Болит. Месячные, наверно... Ай.

Он растерянно, медленно погладил живот. И вдруг подумал: «Месячные?.. А разве бывают, когда уже...»

– Ниже, балда. Анатомию, что ли, прогуливал?

– Можно?..

– Угу. У тебя пальцы такие мягкие...

Она повела руку ниже – под леггинсы и белье. Федор снова покрылся мурашками. «Мне то ли страшно, то ли завить хочу от восторга. *Живая*... И там, что ли, *живое*? Живое и *очень чужое*... Странное чувство. Дикое...»

– Теперь ты тоже там гладенький. Мы на равных, ты помнишь? Если выбора нет, это равенство.

Кожа действительно была гладкой – *совершенной*.

– Тут болит?..

Майя кивнула. На лице блуждала улыбка.

– Заботишься? Будешь заботиться обо мне?

– Буду...

Она посмотрела на Федора.

– Не говори так серьезно... Не пугай меня. Я как-нибудь справлюсь, уж ты мне поверь.

– Хорошо. Извини... Только вот... А разве так может быть? Ну, при беременности...

Федору показалось, что слова эти прозвучали только в его голове. Он хотел повторить их; не смог, медленно отвел от живота Майи руку. Недоуменно глянул на девушку. «О чем я только что ей сказал? Что я подумал? О чем-то... *чужом*?»

– Эй. Сейчас выпью «Но-шпу», и все пройдет. Надеюсь, у нас окна этим дерьмом не накрыло. Кому вообще в голову пришло рекламу на дом вешать и электричество отключать?

– Вряд ли это между собой связано... Но выглядит, конечно, зловеще.

Майя фыркнула.

– Я пойду. Переоденусь и буду ждать тебя рядом с «Пикси».

– Скажи номер...

– Да-да, записывай.

Федор вытащил телефон из кармана, разблокировал, одним затаженным взглядом охватил информацию с экрана: время – одиннадцать двадцать четыре, заряд батареи – семьдесят два процента, ни пропущенных, ни сообщений, ни связи...

– Связи нет, – удивленно пробормотал Сапрыкин. Майя пожалала плечами. Назвала по памяти десять цифр. Федор сказал: «Звоню», и тут же с досадой ругнулся:

– Твою мать... Так запишешь?

– Федя...

Майя мрачно, странно на него посмотрела. Федор опешил: он вдруг понял, что она хочет сказать.

– Пожалуйста – если хочешь ругаться, говори любые грязные штуки. Прямо хоть самые-самые мерзкие. Но можно тебя попросить при мне не говорить что-либо вот так про *мою маму*.

– Так это ведь не...

– Да, – кивнула Майя. – Я понимаю. Но мне каждый раз кажется, что кто бы такое ни говорил, обязательно говорит мне *о ней*... Кирилл нарочно так делает. Обожает про мамку ругнуться.

– Я... я, прости... То есть хорошо, я не буду.

Она улыбнулась.

– Ругайся себе на здоровье. Человек должен ругаться, если сказать больше нечего. Только не про матерей. Вот и все.

– Хорошо, – улыбнулся и Федор. – Так ты... наберешь?

– Я мобильный *сюда* не таскаю. Слишком уж Кирилл любопытный. Любил устраивать досмотр моих интересов. То я не те сайты смотрю, то не тому человеку пишу и не в тех выражениях; короче, тиран цифровой. Я по привычке вчера не взяла. Говори – я номер запомню.

Федор кивнул. Подумал: «Если я неправильно понял, если она меня оттолкнет... Я попробую».

– Майя, ты вправду уйдешь со мной? Вчера ты сказала...

– У вас тоже совсем ничего?

Раздался голос Андрея. Парень и девушка обернулись: неясный силуэт замер в дверном проеме. Федор недоуменно нахмурился: высокий и звонкий голос разорвал сейчас *ничто*, странное течение времени, раз за разом не дающее сделать следующий шаг вперед...

– Привет, Майка... Я говорю...

Андрей кашлянул.

– Говорю, у вас тоже нет связи? Хотел позвонить в офис, сказать, что на утренний митинг³⁹ вряд ли успею – и ничего, ни единой полосочки. А городского телефона у Кирилла, я так понимаю, нет. Никому он теперь не нужен, а вот на такие экстренные ситуации...

Грохнула гулко входная дверь, прихожая задрожала в сполохах неяркого света.

– Ответственный должен быть!..

– Да не работает ни хрена! Я плечо себе вывихнул, кажется. Чуть какая-то... Эй, народ, где вы тут? Не закрывай, свет хоть какой-то будет. Проходи, не стесняйся.

Андрей присел на кровать, в спальню вошел Сыролийский – злой и угрюмый. За ним замерла фигура курьера.

– И здесь это дерьмо...

Кирилл смотрел на окно. «Будто сквозь меня смотрит. Презрительно так. Знает...»

---

³⁹ От англ. Meeting – встреча.

– Реклама вчерашняя, представляешь? – поспешно сказал Сапрыкин. – Она что, еще где-то есть? Ну, что там с лифтом?

Куда и как смотрел Сыролийский теперь, разобрать Федор не смог. От этого сделалось неуютно, и Сапрыкин сделал шаг от окна, закрывая собой Майю. Сыролийский сказал:

– Реклама на каждом балконе. На каждом долбанном этаже. Мы прошли по всей черной лестнице, и везде эта черная гадость. Не знаю, что они там рекламируют, но такого быть не должно, я в такое дерьмо забесплатно не вписывался; погоди, дай скажу. Связи нет; лифтеров не вызывать; никого, мать вашу, не вызывать – у вас же тоже ни хера не работает? ДА, Андрей, ЧТО?

– Да я просто хотел сказать, что я, пожалуй, пойду, – сказал Толоконников, и Кирилл вдруг язвительно ухмыльнулся; ухмыльнулся и зло засмеялся. Курьер закачал головой.

– Мужик... Ты не поверишь, но никуда ты из дома не выйдешь. Мы пытались. Бабка заперлась внизу, ненормальная. Можно пройти к черной лестнице, а к парадному входу – нет.

– А чем плоха черная лестница?

Майя несколько раз ткнула пальцем Федору в спину: он не почувствовал, с мрачным удивлением слушая разговор.

– Она всем, бляха-муха, прекрасна!

– Так в чем проблема-то?

Курьер тяжело задыхался. Вышел в коридор из квартиры. Послышался звук стремительно удаляющихся шагов.

– Куда это он?..

– Стресс у парня, Андрюха. Он всю ночь в лифте сидел. На деньги попал. Теперь вот тебя в темноте разглядел.

– Киря...

Старший брат пристально глянул на младшего – тот ощутил на себе выедающий полумрак взгляд.

– А вы других жильцов-то встречали? – спросил Андрей, не обращая на колкость внимания.

– Нет, – задумчиво ответил Кирилл. – И это очень странно.

– Я должна посмотреть, как там отчим, – сказала Майя громко, снова ткнув Федора пальцем.

– Стой, давай вместе поднимемся. Хочу убедиться, со всех ли сторон дом занавесили. Если иск коллективный подать, в накладе вы не останетесь.

– Вместо этого ты мог со мной на улицу выйти и дом так сразу увидеть. Короче, я в офис поехал. Это мой первый день в качестве менеджера проекта. Я его давно ждал, между прочим.

– И поэтому вчера пил, как свинья?

– Именно поэтому, да. Но я – как огурчик. Между прочим, ты на проекте *все еще* лид-фронтендер⁴⁰. Пойдем, одевайся. У нас с двенадцати и до двух митинг. Миняев тоже придет.

– Это *миняет* дело, – язвительно сказал Сыролийский. – Но выходы из дома *почему-то*, вопреки здравому смыслу, заперты – *между прочим*. Ну хорошо, идем, убедисься. Майка, побудь здесь немного. Поднимемся к вам: без тебя Борис меня слушать не будет. Подожди минут десять, ладно?

– Не жди, я его с собой забираю.

– А если курьер ваш вернется? – спросила Майя.

– Федька ж тут...

---

⁴⁰ Frontend-разработчик – специалист, который занимается разработкой пользовательского интерфейса, то есть той части сайта или приложения, которую видят посетители страницы. Руководитель команды разработчиков отвечает за все, что делает команда, а также за атмосферу внутри коллектива, взаимодействие с другими подразделениями компании и заказчиками, обучение и развитие младших специалистов.

– Кирия. Кирилл!..

– Не сейчас... – прошептала девушка почти что неслышно. Федор с щемящей тоской посмотрел на нее: в ее глазах, тусклых от полумрака, дрожал умоляющий блеск. Он одобряюще ей кивнул.

– Ну, чего?

– Я с вами пойду.

Сыролийский смешливо прищурился. Майя недоуменно взглянула на Федора.

– Федька тебя боится. Ладно, идемте уже.

Кирилл вышел из спальни, с кровати грузно поднялся Андрей. Сапрыкин шепнул:

– Я тебя у «Пикси» ждать буду. Не передумала?

– Нет.

– Тогда... через полчаса внизу встретимся, да?

Она кивнула. Федору сделалось гадко от собственной храбрости.

– Смотри...

Кирилл кивнул головой на череду дверей в двух бесконечных стенах, зажатых между полом и потолком. Бесконечность, конечно же, была мнимой: все сходилось там, вдалеке, в черном, как смоль, тупике коридора.

– Окно в торце тоже завешено. Я только сейчас заметил. Они все этой чернухой залепили. Головы бы поотрывать...

– Знать бы – кому! – с задором сказал Толоконников, выходя в коридор. Из темноты прихожей понуро смотрела на мужчин Майя.

– Найдем, всех отыщем. Майка, помнишь, где у меня свечи? Зажигалка там же лежит. Мы скоро вернемся. Запрись.

– До шести не вернешься; не жди, топай домой.

Кирилл отвернулся, и Федор поймал ее взгляд. Подмигнул ей с улыбкой: она показала ему бледный длинный язык.

«Почему он не спрашивает ничего?» – подумал Федор, осторожно, на ощупь, спускаясь по лестнице; лампы светили, но как-то совсем уж блекло, даже угрюмо, едва помогая различать под ногами грани ступеней. «Как даст мне сейчас леща по затылку и спросит: „Ты ведь знаешь за что?“ А я знаю, но он-то не знает, что знаю; да ничего я толком-то и не знаю! Ну, чего он молчит...»

– Странная эта Майя, – сказал равнодушно Федор, как только объемная фигура Толоконникова скрылась за поворотом лестничного пролета. Позади Федора хмыкнул Кирилл.

– Кто-кто странный?

– Майка твоя.

– А с чего ты решил, что моя? Она кошка, которая гуляет сама по себе.

Федор остановился, и Кирилл оказался над ним, схватившись рукой за перила.

– Эй! Чего встал!

– Так вы же встречались...

– И встречаемся до сих пор – периодически, в этом здании, на улице, иногда в магазине. Она просто соседка, которой я кое с чем помогал. А чего, она решила тебе ночь любви подарить? Предохранялся, надеюсь?

Федор ощутил, как все тело будто встряхнули. Биение сердца ускорило ход; во рту сделалось горько. Захотелось вмазать по лицу брата чем-то тяжелым.

– Нет... – выдохнул Федор. Кирилл хлопнул его по плечу.

– Это ты зря, кошки иногда по помойкам ведь лазят.

«Ты и есть эта помойка», – с ненавистью подумал Сапрыкин. Вдохнул застоявшийся лестничный воздух, шумно выдохнул.

– Нет: ничего она мне не дарила. Позвала к себе в комнату и полночи грузила. Я поэтому и сказал...

– К себе? Это вообще-то *моя* квартира.

– Вы там где? Помогите толкнуть!

Снизу раздался одышливый, недовольный возглас Андрея.

– Идем! – громко ответил Кирилл, ехидно глядя на брата. – Ну, и что же вы там до утра самого обсуждали?

Федор сощурился. «Да пошел ты. Сам не признаешься. Ладно. Может, это тебя взбодрит».

– Ничего. Ты был прав: мы просто трахались. Прямо на твоём сексодроме. Классное зеркало, кстати – ракурсы, перспективы... У Майки лицо такое безумное, когда за шею вот так вот держишь и по заднице хлещешь ладонью...

Кирилл засмеялся – почему-то по-доброму, к вящему удивлению Федора. На лице Сыролийского появилось выражение снисходительности: так родитель позволяет ошибиться любимому чаду в каком-то совсем простом деле.

– Так, ну ты уже все фантазии свои рассказал?

– А что такого? Майка эта развратная...

Федор резко умолк. Почувствовал, как к паху прильнула кровь. «Заткнись, идиот!...» – оборвал себя он. Сделалось стыдно.

– Она-то может даже и *слишком* смелая, – сказал Сыролийский. – Но *ты* ведь совсем не такой.

Старший брат снова хлопнул младшего по плечу. Федор молчал. «Неужели не знаешь? Ну, что же ты...»

– Девочке скучно. Я с ней теперь мало болтаю, особенно по душам. Ей нужен друг, а я, как уже говорил, просто сосед, не любящий чужие проблемы.

– Не просто сосед...

– Ой, ну ладно тебе...

Снизу ударило глухо: будто мешок с песком бросили на асфальт. Послышался едва различимый сдавленный стон.

– Мы с этим курьером тоже так прыгали. На плече теперь синячище. А дверям хоть бы что.

Снизу крикнули:

– С той стороны чем-то завалено; помогите, ну! Эх!

И снова кто-то бросил мешок.

– Пускай развлечется, – сказал Сыролийский и подмигнул брату. – Слушай, Федька, не бери в голову. Хочешь бред ее слушать, так слушай, и помогай – у тебя, я считаю, талант других слушать. Я поэтому ей про тебя рассказал, позвал вчера, чтоб познакомились. Ей действительно нужен *друг*. А хочешь с ней спать – спи, если спится. А не хочешь, так вообще самый лучший, как по мне, вариант: у нее не все дома, ну ты, может, заметил...

– Заметил? – перебил Федор брата. – Я полночи там с ней просидел – она мне сказала, мол, утром с собой что-то делает. Каково мне, по-твоему, было?

Сыролийский посмотрел на Сапрыкина с мрачной, неуместной веселостью.

– Сказала, что типа «исчезнет»? И ты уши развесил, дурилка? Ты же психолог! Это ее инструмент для внимания. Она только и делает, что шантажирует меня этим бредом. Она уже раз двадцать так «исчезала» за этот месяц. Я ей сказал: «Хочешь, чтобы я тебя в психушку

упек, это раз плюнуть. Будешь с Ромкой на пару лежать на Удельной⁴¹ раз в годик». Помогло. Не ожидала, что я такая «бездушная жаба». Вот уж не думал, что она и тебе это вывалит.

– С каким Ромкой?.. – только и мог вымолвить Федор.

– Да ты его вчера видел, влетел в нас на лестнице, такой ряженный дурачок. Вспомнил? Ну вот. А чего ж ты мне сразу-то не сказал, что она тебя, как там, «крючком Танатоса» зацепила? Выражалась, небось, так? Это программное у нее.

– Сказала, мне никто не поверит...

Федор умолк: кажется, к ним спускались. Казалось, что кто-то легкий вот-вот покажется из-за угла.

– Правильно – не поверит. Потому что она всем всегда врет.

«Он запись слушал? Да что происходит-то...»

– Кирия. Зачем ты ко мне ее подослал? Скажи честно.

Кирилл задумчиво глянул на брата.

– Чтобы ко мне перестала таскаться. Девочка думает, я шучу. Думает, что все будет как раньше.

«Да он просто... он ведь прямо в лицо говорит: „Забери себе эту дурочку“. Как будто она свитер поношенный. А ведь я... именно так и хочу сделать». Федор почувствовал странную злость; понял, что освещение стало чуть ярче: лицо брата он видел во всех подробностях: уставшее, серое, постаревшее. И понял еще, что больше не слышит легких шагов наверху.

– А как было раньше?

– О, раньше – на всю катушку. Первую неделю выгнать было нельзя. Жила у меня. Я разрешил: думаю, *ладно*, подходит к интерьеру квартиры. Ходила там нагишом, задницей все виляла, знаешь, как кошки весною – а я пальцем ее не тронул. Ну, чего ты так смотришь? Не веришь? Сумасшедших мне еще любить не хватало, у меня ни времени, ни душевных ресурсов на эту блажь нет.

Слова «время» и «блажь» породили смутное воспоминание в памяти Федора – оно махнулось в какую-то *слизь*, в серую мягкую, холодную кашу – мысль не существовала, но, тем не менее, жгла собою сознание. Федор сказал:

– Любить вовсе не обязательно, чтобы...

Сказал и понуро умолк.

– Чтобы что, Федя? Думаешь, что я спал с ней? Я к себе пустил, потому что... Ну да, потому что известно всем – *почему*. Слава богу, она вовремя себя показала. Ну как – вовремя, – почти сразу. Одно и то же по сотому разу: про мать, про болезнь, как мать ее якобы предала... Ой, нет уж, спасибо-пожалуйста. Она не в себе, а меня безумие не возбуждает ни под каким соусом. Неврастеников и так в жизни хватает. А ты вроде с такими нормально ладишь: с мамкой нашей прекрасно справляешься, например. А я не умею. Другой психотип. Хочется то ли сбежать, то ли ударить.

Федор снова воззвал к своей памяти и вновь ощутил лишь серую мягкую слизь вместо мысли. «Хочу его о чем-то спросить, и никак не пойму о чем именно. Что-то... Что-то совсем недавно случилось. Что-то еще ведь было, мне не *почудилось*...»

– Она сказала – ты у нее *первый*. А теперь взял и бросил.

Кирилл воздел к потолку глаза.

– Господи... Ну вот, я об этом: она фантазерка. Лгунья патологическая. Шантажирует; ноет и соблазняет. Ты бы с ней прекрасно поладил. Поладил уже?

– Врешь, – прошипел Федор, ощутив внезапную мрачную ярость. – Ты Майку трахал, и отчима ее спаивал, – добавил он совсем тихо и почувствовал себя жалким; вздохнул, и вяло

---

⁴¹ Речь идет о городской психиатрической больнице №3 имени И. И. Скворцова-Степанова – психиатрический стационар Санкт-Петербурга.

повторил слова Майи, ища взглядом хоть что-то перед собой, кроме близкого образа брата. – Чтобы тот не трепался...

Кирилл отступил на ступень выше, становясь темнее, объемнее. Он трясся от беззвучного смеха.

– Сам придумал? Или она подсказала? А в чем логика? Зачем мне так делать было бы? О чем тут трепаться вообще? Я отчима, как ты выразился, «спайвал», чтобы он падчерицу лапать не лез – она меня сама попросила. Он когда пьяный, прекраснейший из людей. Спит потому что.

Ярость вдруг куда-то пропала. Федор понял, что гладит пальцами прохладный, совсем невесомый предмет. Мысли скользили под черепом. «Булавка, булавка, булавочка... Если Киря не знает, а я уведу, то зачем я ее уведу; а если узнает, захочет ли здесь оставить; заставит ли выскрести из себя; а мне-то что, что ты хочешь; неужели мне нужна сумасшедшая, чужая нужна; Эхо; муза... Я не скажу ему. Не узнает». Он тряхнул головой и прошептал невпопад – будто случайно, обращаясь к себе:

– Какой же ты занимаешься *ахинеей*...

Выдохнул и с жалостью поглядел на старшего брата. Тот все так же стоял над ним на ступень выше. Длинные волосы обвисли от влажности, грязи и жира. Глаза его были налиты кровью.

– Какой еще ахинеей? – устало скривился Кирилл; он уже давно отсмеялся. Федор вновь ощутил злую ярость. Захотелось уколоть, поддеть брата; он сжал крепко булавку:

– Не знаю, сам мне скажи. Ты ради этого влез в ипотеку? Ради такой вот вольной житухи – без братца, без старой надоедливой мамки? Так ты никогда не уедешь на свой Монпарнас.

– Это еще что за хрень, Федя? Ипотека-то здесь при чем? Ты чего со мной ссоришься? Майка отшила? Или не справился от волнения? За корягу крючок Эроса зацепился – бывает. Ну, что вылупился, дурачок? Братьям из-за бабы последнее дело ссориться. Ты отвадь ее ко мне приходите: я же знаю, тебе это раз плюнуть, ты всех своих девок ведь как-то послал, ну, не скалься, не скалься, дурилка. А потом делайте что хотите. Или не делайте; ну – отвадишь? Я по-братски прошу, ей же лучше так.

Федор сжал пальцы в кулак. В кулаке холодила собой кожу булавка. «Боже, да что же это такое? Какое мне дело до вас? Я пьяный поверил незнакомой девчонке, наобещал черте что, а теперь об этом жалею – как снег по весне жалеет, что неожиданно выпал. Трус я мстительный, похотливый, трус просто, выродок...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.